

М. ФАБЕР

ПОДДЕРЖАНИЕ

КОРПОРАЦИЯ

ПРОГРЕССА

БУДУЩЕЕ ДЛЯ ~~ВЫЖИВШИХ~~ ДОСТОЙНЫХ

М. Фабер

**Поддержание.
Корпорация прогресса**

«Автор»

2023

Фабер М.

Поддержание. Корпорация прогресса / М. Фабер — «Автор»,
2023

В 2029 году состоялся первый контакт человечества с инопланетной цивилизацией. Пять космических кораблей вошли в пределы Солнечной системы. Два разумных вида не смогли поделить одну планету...Выжившие сплотились в трёх оставшихся городах, передав управление корпорации "Поддержание". Установился хрупкий мир. Том не человек. Он побывал в плену и выдержал пытки в подпольной лаборатории, а когда вернулся к своим, обнаружил, что смертельно болен и не помнит последнего года жизни. Чтобы найти ответы и спасение, он отправляется туда, где его считают врагом. Все дороги ведут Тома в таинственную корпорацию «Поддержание», ведь она, как известно, знает все.

Содержание

Часть первая. Я	5
1. Нейтральная зона	5
2. Конверт	9
3. Осложнения	13
4. Что-нибудь великое	18
5. Заказ	23
6. Кукла	28
7. Маленькая услуга	31
8. Ошейник	35
9. Враг моего врага	40
10. Кто не спрятался	45
11. Убийца	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

М. Фабер

Поддержание. Корпорация прогресса

Часть первая. Я

1. Нейтральная зона

«16 сентября 2029 года состоялся первый контакт человечества с инопланетной цивилизацией. Пять космических кораблей хаарс вошли в пределы Солнечной системы.

16 сентября 2039 года передовыми учеными основана корпорация «Поддержание», ее миссия – межвидовое сотрудничество, сохранение и приумножение знаний.

Летом 2050 года впервые достоверно зафиксирован факт использования хаарс человеческого тела в качестве носителя.

30 декабря 2056 года между двумя расами началась Последняя мировая война.

К 2058 году численность населения Земли сократилась на 98%. Война перешла в затяжную фазу.

С конца 2081 года на последнем частично пригодном для жизни материке между человеческой Федерацией и Коалицией хаарс установлено вооруженное перемирие. В трех уцелевших городах созданы нейтральные зоны».

Учебник по новейшей истории Земли. Год выпуска: 2083.

Четвертого апреля две тысячи девяносто второго года, в день, когда жизнь Тома Радина, совершив очередной дурной кульбит, снова начиналась с чистого листа, синий бронированный фургончик с блестящим гербом Федерации на округлом боку приземлился у обочины широкой пустыющей улицы, мерно шипя гравиподвеской и покачиваясь, как на пуховой подушке. Из фургончика вынырнул сонный конвоир в синей спецовке. Он спрыгнул на землю, не позаботившись прихватить оружие, потер затекшую в долгой поездке шею. Небрежно повертел головой, скорее изображая осмотр местности, чем действительно проводя его, и кивнул водителю. Щелкнула, открываясь, внутренняя дверь в салоне, и Том, схватив сумку, выпрыгнул наружу, подставил побледневшее лицо теплым солнечным лучам. Прохладный весенний ветерок приятно касался кожи. После года, проведенного в закрытой лаборатории, и последовавших за ним недель в Убежище и допросных комнатах, свобода показалась совсем осязаемой, обретая цвет, запах и форму.

– Удачи, – буркнул конвоир скорее проклятие, чем пожелание.

– М, спасибо, – поблагодарил Том закрывшуюся перед носом дверь. Бронированный фургончик оторвался от земли и натужно загудел подвеской, клонясь на левый бок. Вместе с ним исчезала уверенность Тома, и без того слабая.

Он поправил сумку на плече и огляделся.

Сектор приветливостью не выделялся. Адрес был верным, улица, украшенная потрескавшимся покрытием – с детства знакомой. На этом призраки прошлого заканчивались. Вместо старых домов вдоль дороги жались друг к другу жилые контейнеры, неаккуратно размалеванные краской из баллончиков. Открытые двери зияли темными дырами, кое-где завешенными длинными лоскутами ткани. Вокруг валялся мусор, игрушки, на остатках газона возвышались перекошенные качели. Крики играющих детей смешивались с льющей из окон музыкой. Сектор прилегал к городу, хоть официально его частью не был, поэтому статус нейтральной зоны получал и терял с завидной периодичностью, а местные давно научились не верить никому, живя своей странной, обособленной жизнью.

– И что? А теперь мы тут живем. – Рыжий повертел головой, убеждаясь, что соседи медленно подтягиваются на подмогу, и натянул на морду нахальную улыбку.

Том усмехнулся про себя: по одному они не такие смелые. Последний раз окинул взглядом остатки газона, тропинку, что когда-то вела к знакомому крыльцу, и зашагал прочь. Не похоже, чтобы тут легко было что-то спрятать – придется обойти контейнеры с другой стороны и поискать там. Он-то ожидал увидеть развалины, в которых запросто устроить тайник. Можно было не оборачиваться, чтобы угадать, что именно изобразил ему вслед рыжий.

Через пару сотен метров неторопливой прогулки и мысленного составления плана местности обернуться все-таки пришлось, слишком уж подозрительным стал тяжелый топот позади. Рыжий с парочкой дружков ковыляли следом, не приближаясь, но и не давая расслабиться. Так загоняют жертву, выжидают, когда нервы у нее сдадут, и она побежит скрываться в закоулке, а там попадет в тупик. Том мельком глянул по сторонам: ничего примечательного, только однообразные контейнеры. Тащить к тайнику свидетелей не улыбалось, нарываться на неприятности – тоже, сил у Тома за этот год заметно поубавилось. Улица тянулась далеко вперед. Позади то и дело раздавались тупые шутки, гогот и подначивания.

Неожиданно сопровождающая компашка притихла, Том успел удивиться ровно на секунду, когда тоже увидел впереди опускающуюся гравимашинку. С включенными мигалками. Выругался сквозь зубы, надо же было так отвлечься, прислушиваясь к болтовне местного колорита, и не раздумывая, свернул направо, по тропинке между двух контейнерных блоков. Позади неживой механический голос приказал оставаться на местах для досмотра. Том пробежал мимо пары рядов контейнеров, завернул за угол и замер в тени, бросив сумку под тощий куст. Время остановилось, мысли, напротив, носились со скоростью популярных, но нелегальных видеозаписей в Сети.

Слева из-за угла выплыл бесшумный полицейский дрон, остановился. Дешевка, реагирует на звук, Том задержал дыхание. Дрон двинулся дальше, почти скрывшись из виду, но справа раздался шорох. Из-за другого угла позади Тома в проходе появился хлюпающий красным носом рыжий мальчишка. Дрон с писком развернулся и навел на него синий глаз сканера. Шла передача сигнала. Том вжался спиной в стену, стараясь слиться с кустом, мальчишка ойкнул, переводя испуганный взгляд с него на дрон и обратно.

Да беги ты, дурак, мысленно простонал Том, если выдашь, сверну шею. До получения документов никак нельзя было во что-либо вступать. Да и потом тоже, но сейчас на кону стояло все.

Мальчишка телепатии не поддавался. Кожа у него побледнела, отчего нос стал еще краснее, глаза заблестели, казалось, что он вот-вот упадет. Из плотно сжатого кулака торчал темно-зеленый уголок.

Ненавижу людей, с досадой подумал Том.

Он рванулся к мальчишке, схватил за плечо, подтащив к себе, одной рукой зажал рот, а другой выдрал свои бывшие нашивки из кулаков и проверил карманы.

– Знаешь, что будет, если тебя с ними поймают?

Мальчишка не сопротивлялся, только лихорадочно сопел. Он знал.

– Проваливай. – Том швырнул его обратно в проход, прикрывая собой.

Мальчишка шлепнулся на колени и резво уполз за угол на четвереньках. Дрон мигал сканером. Время шло на секунды, а закоулок был тошнотворно чистым – ни одного увесистого камня. Том отступил на четыре шага, сколько хватало ширины, разбежался, оттолкнулся от стены и прыгнул, разворачиваясь в воздухе. Ухватил дрон, жалобно пикнувший из-за потери высоты, и со всего размаху шмякнул об землю. Машинка чудом не развалилась, но синий огонек погас. За углом слышались быстрые шаги, передать координаты дрон все-таки успел. Том подхватил сумку и бросился бежать, петляя между контейнерами.

– Стоять!

От неожиданности он задел ржавеющий угол, дернул рукав под противный звук рвущейся ткани. Стою уже, так точно. Спинку не почесать, м?

Топот и крики позади то удалялись, то снова приближались, полицейские знали перестроенный район намного лучше Тома, покинувшего дом почти восемь лет назад, а вот скорости им явно не хватало, слишком привыкли гонять местных любителей дешевой синтетической выпивки. Том то и дело натыкался на тупики. В одном из них, едва оторвавшись от преследования, он сунул нашивку в щель под контейнер и прикрыл травой. К черту Федерацию с ее условиями и псевдонейтралками, если сейчас его поймают при таком параде, то он рискует не дожить до того момента, когда сможет объясниться.

Позади было тихо. Том запрыгнул на один из контейнерных рядов, забился в угол между двумя «постройками» разной высоты и уселся, крепко обняв сумку. Надеялся, что без дрона искать его долго не будут, бесполезное это занятие, раз смог оторваться, – от патруля тут предпочитал уносить ноги каждый первый.

Спустился Том, только когда начало темнеть, а над головой появились первые звезды. Не такие яркие, как над лесными Убежищами Коалиции, но все-таки видимые и здесь, у подножия освещенного города. Подавил нелепое желание помахать им рукой.

Том легко вернулся к нужному контейнеру – еще во время побега он старался петлять вокруг него, насколько позволяла память и скорость. Дверь была закрыта, внутри монотонно бубнило. Он осторожно обошел вокруг, осматривая жмущиеся друг к другу «жилища», поковырялся в мусоре. У того, кто прятал тут передачку, не могло быть больше времени и возможностей, значит, долго искать не придется. Том с обреченным вздохом полез на крышу. Бесшумно не получалось, металл противно скрипел, заставляя морщиться и замирать на каждом шагу. Интересно, есть ли у рыжего старшего что-нибудь дальнобойное?

В углу, прикрытый куском полинялой тряпки, одиноко лежал пухлый серый сверток – прощальный подарок Коалиции. Том развернул его и быстро осмотрел: обещанная коробочка-контейнер со шприцами и запечатанный бумажный конверт, «невзламываемый носитель информации», как любил называть такие майор. Что ж, сразу видно, от кого послание. Внутри конверта было пусто. В левом верхнем углу виднелся ряд криво выведенных цифр. Номер местный, но на личный айди не похож. Том закатал рукав, растянул по предплечью виртуальное окошко комма и набрал его.

2. Конверт

Сорока часами ранее.

Дождь идет четвертый день...

Боль пришла резко и со всех сторон, безжалостно выдернув Тома из сна. Он не чувствовал, скорее просто знал, что держит себя за голову. Что со всех сил прижимает к ней руки. Но не ощущал прикосновений на коже. Словно под пальцами был чужеродный предмет, не связанный с его телом: мокрый, липкий, горячий. Перед глазами плясали яркие пятна, будто слишком долго смотрел на источник света. Том с усилием разлепил веки, но ничего не увидел: ложиться спать в темноте теперь стало плохой идеей.

Он пошарил рукой по тумбочке у кровати, но на ней было пусто. Обезболивающие остались в куртке на противоположной стене. Позапрошлой ночью еще получилось до нее добраться, сейчас он понимал, что не сможет. Том перекатился на бок, свернувшись на твердом матрасе, прижал локти к себе. Кашель поднимался, казалось, откуда-то из самого живота, раскаленной волной прожигая все на своем пути, судороги проходили по телу, выкручивая конечности. Он сосредоточил мысли, остатки сил и воли на локтях и коленях. Не разворачиваться, не выпрямляться, прижимать к груди.

Том проснулся от стука, вздрогнув и вцепившись в край матраса. Потребовалась пара секунд, чтобы понять, где он находится, восстановить дыхание и кое-как протереть лицо платком. Дверь распахнулась от удара ногой, и Том поспешил развернуться, пока следующий пинок не пришлось по удобно расположенной «мишени».

– Хорошая реакция, – заржал белобрысый Винс, прислонившись к косяку. Щеки его горели румянцем, а изо рта торчал кусок провода, который тот методично пожевывал.

– С тобой натренируешься, – проворчал Том и сел. – Важное что? Ночка та еще.

– Оно и видно. Проходу не дают?

Том сморщил нос и устало потер шею.

– Скоро отстанут, – доложил Винс. – Места в нейтралке заканчиваются, погрузка тоже.

– И поэтому ты такой довольный, м?

– Я в деле. – Круглое лицо светилось ярче фонаря на комме, а румянец казался болезненным. – Собираю хлам и сваливаю.

Последние слова он произнес на одном дыхании, так торопятся, когда боятся передумать.

– Куда? – поднял на него глаза Том. Семьи у Винсента давно не было, потому они и подружились. Казалось, даже внешне походили друг на друга. Не то чтобы Винс был ему чем-то обязан или они собирались всю жизнь провести поблизости, но захотелось по-детски отвернуться обратно к стене. – Секреты?

Винс замялся, повисла неловкая пауза.

– Тебя тут не было...

– Да, да, – махнул рукой Том, а едва возникшая обида сменилась горечью во рту, – я уже понял. Все нормально.

Жизнь в Коалиции продолжалась весь год, пока его тут не было. Почему так трудно уложить это в голове?

– Знаешь, в чем твоя проблема?

– Врать не умею? – покаялся Том, сдерживая невольную улыбку.

– Именно!

– Я и не пытался.

– Ага.

– Да ну тебя, – отмахнулся Том. Это обвинение он слышал далеко не в первый раз. Неспособность врать – противоречивое качество, до сих пор ничего хорошего оно ему в жизни не прибавило. Да и просто противно, когда у тебя на лице все написано.

– Мара, – спокойно и как-то почти виновато сообщил Винс.

– Красивая, м?

– Красивая. Знаешь, не в этом дело...

– Стоит того, чтобы рисковать всем и соваться в Федерацию?

– Да.

– Чего сюда не забрал? – удивился Том.

Винс шумно втянул воздух, выплюнул провод и наступил на него ногой, проигнорировав неодобрительный взгляд.

– Не для нее это все, понимаешь. Хрупкая она.

Показалось, что Винса подменили. Таких определений Том от друга в жизни не слышал, к противоположному полу тот относился потребительски, и вот какой-то одной девчонке хватило всего лишь года, а то и меньше, чтобы его приручить. Человек, хотя Винс и не сказал, иначе в городе бы не жила. «Плохо это все кончится», – заключил Том, но вслух произнес другое:

– Успеешь? Пока места не закончились.

– Ребята намекнули, что должен. Сейчас только к майору, подписать всю эту хрень, получить пропуска и в путь. Бизнесом займусь, вон хотя б жратву с природы доставлять.

– Контрабанду.

– Ай, один хрен! Это все, чем мы тут похвастаться можем, придурки в Федерации не то что выращивать, уже даже и готовую съедобную не различают. Посobie обещают, о, пенсию!

– Пенсию... Чего ты тогда тут ошиваешься? Не прощаться же пришел.

– Сплюнь, – со смешком скомандовал Винс. – Велели тебя по пути прихватить. Медицина вызывает, опаздываешь.

Том встал, пряча в карман окровавленный платок. Жест от Винса не укрылся, и тот заметно скис.

За последний месяц приступы повторялись все чаще, а когда и с чего они начались, Том не знал. Воспоминания о прошедшем годе отсутствовали: один обычный зимний день в Убежище переходил в сознании Тома в другой, где его, полумертвого и изможденного, под руки выводят из длинного серого коридора. Между ними была пустота. Поначалу, то и дело приходя в сознание в медицинском блоке Убежища, он еще помнил отдельные моменты, каждый день их становилось все меньше. Через месяц Том набрался сил, чтобы вернуться жить в свою старую комнату, но очень боялся проснуться утром вообще без единого воспоминания. С тех пор в мозгу улучшений не было, а здоровье снова ухудшалось.

– Дерьмо, – заключил Винс. – Может, зря в город не поехал?

– Меня там только для этого и ждут. Хватило с меня Федерации, – пробурчал Том. – Последнее, что мне сейчас нужно, это куда-то ехать. Я еле домой добрался.

Винс закинул руку ему на плечо и потащил в коридор, а Тома не покидало странное ощущение, что все это когда-то уже было. Даже полусдохший воздухоочиститель в потолке над дверью шипел как-то особенно противно и потому угрожающе. Винс убежал собираться, а Том поплелся к медицинскому блоку. Мысль о последних местах засела в голове, мокрый от платка карман противно прислонялся к ноге. Раньше не было столько крови.

«Да к черту», – подумал Том и развернулся.

– Разрешите на минуту?

Старый майор поднял на него тяжелый взгляд через мерцающую дымку голубоватого виртуального экрана и буркнул:

– Заходи.

Военнообязанным Том не был, по крайней мере формально, но все руководство в Убежище, как и в Коалиции, было военным, необходимость в гражданском управлении отсутствовала, а в случае чего – защищать друг друга придется всем.

– Кап... – запнулся Том и исправил: – Майор...

Мысль окончательно потерялась. Хозяин Убежища тяжело вздохнул и свернул экран.

– Ты прав, – протянул он с недовольными нотками, постукивая пальцами по столу, – капитан Реттенбергер. Это имя ты помнишь.

– Прошу прощения. Я ознакомился с хрониками за последний год, – зачем-то неловко отчитался Том. – Вас повысили после... Инцидента.

Инцидентом называли обнаружение Коалицией подпольной человеческой лаборатории, в которой проводились эксперименты над пленными хаарс. Нескольким, включая Тома, повезло, их нашли живыми, а вот никого, стоящего за этим, обнаружить не удалось. Перемирие пошатнулось, стороны схватились за оружие, посыпались угрозы и обвинения, активизировались заинтересованные в войне радикалы. Скандал удалось замять – не смогли доказать подконтрольность лаборатории правительству Федерации. Последняя отбрехивалась как могла, скидывая вину на фанатиков – ненавистников хаарс. Ирония состояла в том, что такими ненавистниками можно было назвать процентов девяносто от всех людей на планете. С новой силой расплзались слухи о неизмеримых запасах тайного оружия у хаарс и неизбежной мести человечеству.

Том до сих пор не нашел ничего полезного, кроме официальных хроник. Складывалось впечатление, что никто понятия не имел, что случилось в этом проклятом лесу, когда он пропал. Ответы были однотипными и осторожными, поэтому Том решил, что всем просто запретили о чем-то говорить, да и спрашивать перестал. Потом появились ночные приступы кашля и боли, а расследование отошло на второй план, уступив игру в вопросы местной медсестре. Теперь хотелось просто пожить.

– Хроники, – поморщился майор, словно в комнате только что испортился воздух. – Чего хотел?

– Уехать хочу. Подумал, что там подлечат.

– Угу, – майор задумчиво постукивал пальцами по столу, – есть у тебя нервы. К людям да к белым халатам.

– Может быть, наоборот – последние отказали, – без энтузиазма предположил Том.

– Нет, мальчик. Видел я сломанных. Глаза у них ненавистью не горели, тем более при упоминании о несчастных хрониках. Но в город тебе соваться опасно.

– Бойтесь, что еще один Инцидент устрою? – криво усмехнулся Том.

– Боюсь, что шею тебе свернут еще на подлете. Случайно, – серьезным тоном ответил майор. – Слишком твоя морда всем знакома.

– Зачем? Я безобиден. Пока я ничего не помню.

«Пока» повисло в воздухе.

– Из мести, злобы. Да хоть от голода. Новое соглашение встало Федерации поперек горла. Того и гляди – полыхнет.

– Всем нужно кого-то ненавидеть, – пожал плечами Том, ощущая, что майор скоро выберет для этой цели его.

«Понял, понял, всем было бы легче, если бы нас не спасли или мы просто благородно сдохли, не успев дать показаний».

Повисла пауза. Стоять было неуютно, а садиться уже поздно. Том покосился на кресло для посетителей рядом с собой, но так и не решился. Поднимать взгляд не стал, вместо этого рассматривал горящую на краю стола свечу. Недавно выменяли в городе, везли, как обычно, сами не зная что. Недавно... в позапрошлом году.

– Набор окончен, документы переданы в Федерацию. Хочешь занять чье-то место?

– Мне нужнее, – тихо ответил Том, сцепив руки за спиной и поглаживая шрам на запястье. Он знал, что никто не захочет уступить ему место сам, слишком тяжело и дорого они доставались. Вот только жизнь других от этого не зависела.

– Может быть, и так. Поедешь отдельно, чтобы не привлекать.

Том выдохнул, радуясь, что его расчет оправдался. Майор был не прочь избавиться от него и побыстрее. Даже своим он теперь стоял поперек горла.

– Мне бы туда, где есть нормальный медцентр, с остальным я справлюсь.

– Медцентр с технологиями хаарс. В новой нейтральной зоне таких нет. А если и были, то готов поручиться, что Федерация уже вывозит оттуда все, что только можно сдвинуть с места.

– Уверен.

– Поедешь в старую. Там я помочь тебе не смогу, ты будешь сам за себя.

– С чего вам мне помогать? – удивился Том. – То есть спасибо, но я и не рассчитывал.

– Вот и не рассчитывай. – Майор поправил ворот рубашки, помедлил, словно решаясь на что-то. – Один раз, неофициально и в память о твоей матери. Ты же из города?

В его голосе Тому слышались странные нотки. Какая часть предложения была ложью?

Свеча на столе расплавилась до ароматизированной серединки, комнату наполнил тошнотворно сладкий запах. Слева в углу, среди прочих, висел крошечный портрет его матери, Тому не надо было смотреть, чтобы помнить об этом. Портрет человеческой женщины, посвятившей жизнь борьбе против сканирования детей. Чтобы все они могли иметь счастливое детство, без разделений на своих и чужих.

– Из пригорода, на самом краю новой нейтралки, – спохватившись, ответил он.

– Для тебя будет пакет. Есть хорошо знакомые места?

Майор кивнул на руку, и Том, быстро пошарив в окне комма, скинул ему координаты дома, где прошло его детство.

– Заберешь, не привлекая внимания.

– Насколько сильно не привлекать? – поинтересовался Том.

– Ничего нелегального, только лекарства на первое время, – нехотя буркнул майор.

– Понял. – Том подумал, что оружие помогло бы больше. – Что я должен сделать взамен?

– Не позорить имя своей матери.

Том сцепил зубы, но промолчал.

– Будешь искать тех, кто с тобой это сделал? Знаю, что будешь. Ищи, но не влезай туда, откуда не сможешь выбраться. Второй раз может не повезти, а пострадаешь не только ты. – В голосе майора звучало раздражение, словно он заставлял себя произносить то, что совсем не хотел. – Все. Больше я твоей семье ничем не обязан.

Он знал намного больше, чем рассказал.

«Чем же ты был мне обязан на самом деле, не прикрываясь моей матушкой? Я еще вернусь за ответом», – пообещал себе Том.

– Понял.

– Раз понял, то и от Поддержания держись подальше. Форму с отличиями получишь. Поезжай.

Том вдруг осознал, что ехать нужно сейчас. Отступил к двери, дотронулся до ручки, помедлил:

– А можно без «парада»?

– Нет, без парада нельзя, – проворчал майор. – Условие Федерации, доставка за их счет.

«Великие почести, – подумал Том, – торжественный эскорт или тюремный конвой, с какой стороны посмотреть».

– Этого разговора не было, – донеслось ему вслед.

3. Осложнения

На звонок ответил заспанный голос, промямлил адрес и отключился. Тому стало интересно, что «подарил» ему майор? Жилье получше да охранника поумнее? Или все-таки потупее?

Пару часов и одну натертую мозоль спустя Том оказался там, куда должен был попасть еще утром, продолжая мысленно ворчать на промокшие ботинки. Мерзкая бессмысленная погода, мерзкая бессмысленная жизнь.

Квадратный двор, украшенный зеленоватыми проплешинами травы, однотипные серые высотки. Социальное жилье для однотипных серых людей. По соглашению Федерация предоставляла ему крошечный угол в нейтральной зоне, оплаченный на двадцать лет. «Стандартное помещение в качестве компенсации». Формулировка Тома забавляла.

Оценка помещению подходила. Комнатушка в десяток квадратных метров, она же кухня, без мебели, зато с пышными, но грязными бордовыми шторами на окне. Капающий кран в душевой со старыми потеками. Вот уж действительно – «стандартное». Том бросил сумку посреди комнаты и двинулся на поиски ответственного по строению соседа.

Ответственный сосед, тот, что ответил на звонок, на деле оказался безответственным: стучать в дверь пришлось минут пять, и Том бы давно плюнул и ушел, но звуки за дверью выдавали присутствие жильца на месте. Наконец тот сдался и распахнул дверь, не потрудившись натянуть хоть что-нибудь поверх трусов. Высокий сутулый парнишка лет восемнадцати, с ясными глазами и длинной светлой челкой.

– Ну это, ночь же!

– Ты ж ждать обещал, – усмехнулся Том.

Сосед, сиюсья сообразить, кому он успел что пообещать, угрюмо пожевал нижнюю губу, проникся мыслью, порывлся в шкаф прямо за дверью и выудил пачку документов с явным оттиском дна кофейной кружки на ней. Том чуть слюной не захлебнулся, взглянув на древнее коричневое пятно.

– Пошли, – мотнул головой сосед, указывая вглубь квартиры. Том едва зашел внутрь, как в руках у него оказалась горячая кружка с жидкостью непонятного серого цвета, но с совершенно божественным кофейным ароматом.

– Откуда к нам? – спросил сосед, и что-то странное промелькнуло в его взгляде. Настороженно-проверяющее.

– Издалека, – буркнул Том, доливая странный кофе из древней кастрюльки на плите.

– Далеко. – Сосед разочарованно пожевал губу, словно получил неверный ответ. – И сразу ко мне.

Том удивленно приподнял бровь, не уверенный – вопрос это был или утверждение.

– Ты ж мне это, звонил, – пояснил сосед.

– Ты ж тут ответственный, м?

– Ну да, – недоверчивый взгляд быстро прошелся по Тому, – только мне, это, не *туда* обычно звонят.

Порывшись по карманам, Том выудил помятый конверт и протянул. Сосед покрутил его, зачем-то вслух зачитал номер, разорвал конверт, достал комм и принялся сканировать внутреннюю поверхность. Том нагло уставился в пустое окно сканера, а сосед с мычанием выбросил остатки конверта в утилизатор.

– Ты это, надолго к нам?

– На двадцать лет, – не сдержал сарказма Том. – И что там?

– Ничего. – Сосед прищурился и на удивление чисто спросил: – Зачем ты здесь?

Из всех вариантов фразы «не твоё дело» Том выбрал самый нейтральный:

– По личному вопросу.

Огонек в глазах соседа погас. Он порылся в ящике и достал пару сплюснутых пайков:

– Держи. Дрянь редкостная. Я тебе, это, принесу завтра что получше. Че-нить великое.

Том только головой покачал. Великое, м?

Заснул Том под утро, но отдохнуть не успел, снова случился приступ.

– Эй, как тебя там, ты там, это, живой? Открой, что ль! А то я вызову, это, сами откроют!

Том стиснул зубы, распрямляясь. Спать на голом полу ему было не привыкать, в другую «ночь» он бы неплохо выспался, не хватило лишь возможности расслабиться.

Он поднялся, мазнул пальцами по окну, шурясь от внезапно яркого света. Затемнение тут промежуточных вариантов не имело – все или ничего. Взглянул на руки и брезгливо сморщил нос: кисти измазаны в крови, на ладонях синие следы от вдавленных ногтей. На полу засохли беспорядочные черно-бурые разводы. Футболка была испачкана до самого живота. Ни дать ни взять чью-то тушку разделявали. Плохо. Так много крови еще не было.

Стук в дверь не прекращался.

– Сейчас, – прохрипел Том, выругался и, пошатнувшись, побрел к двери. Голова кружилась. В подъезде копошился и бормотал ответственный сосед, то ли все еще уговаривая его выпустить, то ли уже занявшись своими делами на коммуникаторе.

И Том впустил.

К приятному удивлению, громких звуков сосед издавать не стал. Том затащил его внутрь, захлопнул дверь и приготовился скрутить, если тот попытается вызвать полицию.

– У-у-у тебя тут это, – сосед что-то изобразил руками, пытаясь указать в несколько точек одновременно, – к-к-кровь идет, ты, это, в курсе? И из глаз, и из носа, и вот...

– Да ладно? – съязвил Том, провел руками по ушам и убедился, что те тоже липкие и шершавые. – А я б сам не догадался!

Постояв немного, но так и не решив, что делать с внезапно онемевшим соседом, Том плюнул и отправился в ванную, отскребывая засохшие кровавые потеки с бледных ввалившихся щек. Наскоро помывшись, он с омерзением натянул ту же футболку, спрятав под ней выпирающие ребра. Вышел, порылся в сумке, сопровождаемый неотрывным взглядом своего спасателя, примостившегося у окна, словно готового в случае опасности прятаться за штору. Мальчишка, всего лет на пять младше Тома, он казался совсем ребенком.

Том достал пару футболок, украшенных знакомыми черно-бурыми пятнами, выругался и засунул обратно. Так и думал, эта была последняя. Он-то не готовился никуда уезжать.

Сосед пробубнил что-то длинное, бочком продвигаясь к выходу. Хлопнула дверь, через пару минут – снова. Переминаясь с ноги на ногу, сосед протянул ему серую тряпку. Том оценил его сутулую фигуру и тоскливо прокомментировал:

– Длинновата будет, – но футболку взял.

– Макс, – неуверенно протянул руку сосед.

– Том, – ответил он.

Когда Том, доверху наполненный странным соседским кофе, выбрался на улицу, вечер еще не начало. Солнце припекало макушку, апрельский ветерок игриво пошевеливал волосы. Спина под курткой быстро взмокла, длинная, но тесная футболка, казалось, срослась с кожей, соблазн раздеться рос с каждым шагом. Такую опрометчивость Том себе позволить не мог – слишком хорошо видны будут шрамы вокруг комма. Метка, которой не бывает у людей. Растянутое по руке виртуально с программой-навигатором помигивало крошечной зеленоватой точкой на почти неразличимой при ярком свете карте. Приятный электронный голос транслировался прямо в ушной чип, сообщая о поворотах и количестве шагов. Дороги пустовали, тихий гул гравимобилей едва долетал с высоты.

Дверь социального отделения медицинского центра взирала на Тома коричневыми картонками, криво вставленными вместо разбитых стекол. Он поднялся на ступени, протянул

руку к массивной ручке, замер, глядя, как подрагивает указательный палец, и зашел внутрь. Повертел головой, выискивая указатели, и двинулся напрямик к автоматическим лабораториям. Аппарат для сдачи анализов одиноко стоял посередине коридора. Из емкости для руки торчал мусор, а сама машинка пестрела рисунками и посланиями неприличного содержания.

– Извините, а он работает? – спросил Том у пробегающей мимо девушки в коротком белом халатике.

Она резко остановилась, как в стену врезалась, окинув его пустым взглядом. Том кивнул в сторону аппарата.

– О, на прошлой неделе работал. Вообще просто зарегистрируйтесь на прием, вон там за поворотом терминал, приложите чип, дальше следуйте указаниям системы, – протараторила девушка и сбежала.

– Угу, спасибо.

Том задумчиво посмотрел в указанную сторону и вернулся к аппарату. Подцепил одним пальцем торчащий мусор, переложил его на крышу машинки и вытер ладонь о штаны. Потом стянул куртку с правой руки и засунул кисть в емкость, проигнорировав подозрительную липкость стенок. Аппарат приветственно пикнул, в руку воткнулась пара невидимых, но очень ощутимых игл. Дождавшись повторного сигнала, Том выдернул руку и, не рассматривая, записал ее в рукав, им же и вытирая. Заляпанный наскальной живописью экранчик выдал короткое сообщение: «Время ожидания результата и рекомендаций: тридцать минут». Экранчик погас.

Через полчаса ни результаты, ни тем более рекомендации не появились. Через сорок пять минут тоже. Том успел сделать десять кругов вокруг медцентра, один большой по кварталу и даже подкрепиться дешевой безвкусной массой из автоматического киоска за углом.

Через час, вместо результатов, у аппарата его ожидала знакомая девушка в коротком халатике.

– О, это вы! – воскликнула она, едва Том появился из-за поворота.

– Я?

– Вы! Это же вы кровь сдавали. Я вас давно жду.

– Польщен, – улыбнулся Том, – но разве анализы не анонимны? Может, не меня?

– Точно вас, тут не часто кто-то решается его опробовать.

Девушка нахмурилась, глядя на аппарат.

– Зря.

– Там сбой, или что-то такое, я не помню, мне вообще некогда этим заниматься, почему-то все тут считают, что у меня недостаточно поручений. Но лаборатория переслала результаты дежурному врачу. Я вас зарегистрировала.

Произнесла она это на одном дыхании, а Том прикусил губу, чтобы не засмеяться. Затем хорошее настроение растворилось. От последней услышанной фразы к горлу подкатила легкая тошнота, а масса в желудке вдруг вступила в войны за территорию. Большого выбора не оставалось, пришлось смириться и последовать за «коротким халатиком» по длинному коридору.

– Садитесь. – Строгие голубые глаза женщины-врача смотрели на него поверх респиратора, и Том почувствовал себя на уроке. – Чем вы больны?

– Вы мне скажите. – Он опустил в противоположное кресло. Занудно перечислил симптомы, описал и кровотечение последней ночью. Она слушала, сцепив руки в замок и прижав к груди.

– Как часто?

– Не запоминал, – зачем-то соврал Том, – но приступы явно учащаются.

– Когда началось?

– Не знаю, три месяца назад уже было, может быть, раньше.

– Не знаете? – Ему послышались истерично-насмешливые нотки. – То, что вы описываете, можно не заметить?

– Сомневаюсь, – поморщился он. – Я не помню, что происходило со мной в прошлом году. Ну, практически не помню, кое-что мне уже рассказали.

– То есть?

– Воздействие неизвестного вещества. Так записано в личном деле.

Она встала, сделала пару шагов к стене, вернулась к креслу, облокотилась на спинку и почесала респиратор вместо щеки.

– Подробнее.

– Это все. Знаете, сложно рассказывать подробнее о том, чего не помнишь.

Том открыл комм и скинул на ее терминал короткий отчет об Инциденте, скопированный как раз для таких случаев. Было даже приятно, что в мире есть люди, слишком занятые, чтобы следить за новостями.

– А военные врачи? – спросила она недоверчивым голосом, изучая отчет.

– В Коалиции? Считайте, что вы – мой первый. С образованием.

Она кивнула. В Коалиции разве что самоучки. Если очень повезет – опытные.

– Могли бы сразу сказать.

– Знаете, чем хороши аппараты для сдачи анализов, м?

– Чем?

– Они не лезут пересчитывать хромосомы, если их об этом не просят.

– Понимаю, – выдохнула она, и Том подсознательно ощутил, что действительно понимает. – И мы не лезем. Неофициально здесь уже давно нейтральная территория, а в мирном договоре обещают ввести запрет на определение симбиоза без согласия.

– Обещают, – протянул он. – Если он будет. Так каков вердикт?

– Не знаю. Анализы, которые мне прислали, бессмысленны. Лаборатория утверждает, что ошибки нет.

– Бессмысленны?

– Совершенно. Такое впечатление, что организм сам себя убивает. Не то чтобы мне не доводилось произносить эту фразу, но тут что-то другое. Что-то новое.

Она села, устала в терминал, подперла руками голову, вдруг из грозной учительницы превратилась в неуверенную ученицу. Прядь светлых волос выбилась из хвоста и сиротливо свисала по щеке.

– Что ж, воспоминания нам не помогут. Да я и не уверена, что они принесли бы пользу. У нас... У нас просто нет средств, чтобы пытаться лечить что-то подобное. Да хотя бы просто наблюдать. – Она стянула респиратор и глубоко вздохнула, в тесном помещении и без него не хватало кислорода. – Мы социальное учреждение. Для бедных. Мы тут прививками занимаемся. Видели нашу технику?

Она неопределенно покрутила рукой, Том кивнул.

– Вам нужна нормальная больница. Нормальная диагностика. Камера регенерации...

– В Коалиции одна не помогла.

– Не знаю... – Ее голубые глаза потемнели, тонкие пальчики забегали по сенсорной панели, отправляя ему на комм результаты. – Хотя... Ведь это действительно интересно. А если интересно мне... Ладно, идемте.

Коридоры центра были длинными и однообразными, изменившись только при переходе из социального отделения в главное: стало чище, светлее, вдоль стен появились мягкие сиденья, а по углам – вазы с искусственными цветами. Том следовал за милой женщиной врачом, пока они не дошли до главного холла и без стука не вторглись в одну из крошечных смотровых. Пахло лавандой. Врач подошла к столу и тихо заговорила с сидящим за ним человеком. Сделала шаг в сторону, пропуская Тома, похлопала его по плечу и удалилась. Лысый тип в светло-зеленом костюме рассматривал его с увлечением лаборанта перед клеткой с крысой.

Том молча скинул результаты анализов с комм на его терминал. Тип пожевал нижнюю губу, потом втянул обе разом, продолжая движения челюстью.

– Интересно, – протянул он, бегая взглядом по строчкам. – Но ничем не могу помочь. Мы принимаем только людей со страховкой.

Том мысленно выругался и направился к выходу. Страховка – удобное слово, когда запрещено говорить правду. Впрочем, пациентов лысый назвал людьми отнюдь не случайно, сделав упор и на это.

За ухом пикнул входящий сигнал. Том взглянул на руку: «Шифрованное анонимное соединение от устройства в радиусе двух метров. Принять?», не оборачиваясь, ткнул в виртуальную кнопку. Сообщение содержало число с длинной цепочкой нулей. И все-таки лысому было интересно...

Потратив последние деньги на билет, Том прислонился к стеклу, глядя, как гравибус поднимается над землей. Отделаться от желчных самокопаний не выходило, мысли о детстве и возможной, но такой недостижимой – нормальной – жизни так и лезли в голову, притягивались, как назойливые мушки к сладкому куску торта. Гравибус оказался приятно пустым, только позади, с последних мест раздавалось увлеченное перешептывание, обильно сдобренное смешками. После взлета звуки прекратились.

– Эй, слышь, ты, – в проходе возникла долговязая фигура с незамутненными разумом глазами, – деньги есть?

– Еще бы, – оскалился Том в ответ. Руки так и чесались, сжимаясь в кулаки, перед глазами упорно стоял образ лысого типа в зеленом костюме.

– Давай сюда, – скомандовал начинающий грабитель, пошатываясь и вытягивая из одного кармана нож, а из другого самодельный сканер, перетянутый грязным сальным шнурком.

– Точно? – дал ему последний шанс Том.

– Чего?

– Иди, говорю, поближе.

Грабитель наклонился, протягивая сканер к руке жертвы, и растянул довольную улыбку. Передние зубы отсутствовали, невыносимо разило перегаром. Том схватил за подставленное запястье и дернул вверх, без всякого сопротивления врезав парню его же сканером по лбу. Тот свалился на пол, так и не разжав пальцев.

– Ты че творишь, а? – В проходе показался следующий претендент на бесплатный урок по самообороне. – Э, стой, я знаю твою морду! Ты же этот, из Сети! Вот тварь!

Он наклонился, выдирая из руки отдыхающего дружка нож.

Гравибус качнулся вперед, начиная снижение. Парень брякнулся на колени, на удивление быстро оценил обстановку и, не прицеливаясь, наотмашь полоснул ножом под сиденьем. Том со всех сил пнул его в челюсть. Дождался приземления, перешагнул через парочку и вышел.

На ботинке по боку до самой пятки красовался ровный разрез. Внутри было мокро и горячо.

4. Что-нибудь великое

Наутро в «стандартном помещении» появились еда, вода, пара припертых Максом облезлых стульев и сам виновник захламления в придачу. На одном из стульев, как на троне, возвышалась маленькая желтая кастрюлька. На вопрос об оплате сосед отмахнулся коротким:

– Должен будешь.

– Как ты сюда вообще попадаешь? – спросил Том, заглядывая в кастрюльку.

– Чип у тебя, это, интересный, – без стеснения сдал себя Макс.

– И что еще ты успел с него спереть?

Макс показательно фыркнул.

– У тебя там, это, брать нечего.

Том подавил желание швырнуть в него кастрюльку. Внутри нее обнаружилась зеленая масса под гордым названием «суп-сам-приготовил». Доверия суп не вызывал, а в сочетании с желтыми стенками кастрюльки походил на колдовское варево.

– Так это и есть «великое», м? – уточнил Том. – Приворотное зелье или яд?

– Ну и хрен с тобой, – не оценил прикола Макс. – Говорят, и так скоро все с голоду сдохнем.

– Ладно, извини, я понял.

Уточнять, что вторая половина вопроса была вполне серьезной, Том не стал. Кое-как покончив с сытным, но мерзким супом, он водрузил кастрюльку обратно на стул, свесил ноги с матраса и принялся отдирать от ступни колом стоящий окровавленный носок.

– Фу, – прокомментировал Макс, который следил за происходящим, как за гипнотизированным. – У тебя, это, утро без крови бывает?

Том дернул носок и зашипел сквозь зубы, было не столько больно, сколько противно.

– Бывает.

– Ну, заметно, – не поверил сосед, то и дело поглядывая на растянутое по руке виртуальное окошко.

– Интересное показывают?

– Что? А, ща, – спохватился Макс, отправил ссылку из Сети, а сам залез на подоконник, облюбованный им в качестве личного «кресла».

Том открыл видеофайл. Звука не было. Трансляция шла с летящего над центром города дрона. Он то поднимался, то снижался, огибал углы зданий. Том с детства не был в центре, но все-таки узнавал отдельные части сектора. Дрон завис над входом в квадратное белое здание, известное каждому на планете. Изображение замерло, в кадре оставались высокие непрозрачные двери с выгравированным на них подобием круглого «глаза» – эмблемой Поддержания.

«Большой брат» смотрит», – вспомнил Том любимое выражение матери. Корпорация весьма агрессивно выступала против отождествления эмблемы с глазом, что не делало последний меньше похожим на оную.

Двери на экране разъехались, из них выбежал человек. Темноволосый, упитанный, в тесном сером костюме, он резво двинулся к дороге. За ним мельтешила помощница в явно неудобной узкой юбке. К груди она прижимала папки, из которых торчали бумаги, часть из них, казалось, вот-вот вывалится и улетит. Дрон отдалился, увеличивая площадь охвата камеры. Парочка вышла к обочине, мужчина нервно набирал что-то на комме, даже через трансляцию было заметно, с каким трудом ему это давалось, слишком дрожали руки. Из дверей показались еще двое в костюмах. Эти не спешили, остановились у входа, левый прокричал что-то длинное вслед уходящим. Девушка обернулась, дернула в ответ плечами, все-таки растеряв пару листов. На дорогу опустился гравимобиль, мужчина забрался в него, снова высунулся и что-

то рывкнул, девушка заметно вздрогнула и залезла следом. Машинка рванулась прочь быстрее, чем ее автоматическая дверь успела закрыться.

– Что там произошло? – подал голос ответственный сосед.

– Нашел кого спросить, – отозвался Том, – семейная драма? Короткая.

Макс горестно вздохнул, как ребенок, у которого из-под носа увели полученную на день рождения игрушку. Интерес только начал разгораться, а вещичка-то уже того... закончилась.

– Крысы с корабля бегут, – задумчиво добавил он.

– Разве не туда бежать-то надо? Все передохнем, а Поддержание останется.

– Так-то оно так. Только центральный сектор не зря, это, перекрыт.

– Совсем? – удивился Том и выключил комм.

– По пропускам. Народ там жрать требовал, вот их и, это, отодвинули. Херня. Там что-то странное происходит.

– Жаль, – отозвался Том.

Перекрытый центр означал, что дело с поиском хоть сколько-нибудь оплачиваемой работенки обстояло совсем плачевно. Это без учета того, что перемещаться по всей столице ему можно было только формально, а вот неофициально рекомендовалось не покидать свой сектор. Нейтралка она нейтралке рознь. Сохраненное в комме сообщение с суммой так и стояло перед глазами. Список официальных вакансий оказался предсказуемо бесполезным. Заниматься бывшему члену враждебной Коалиции разрешалось только тяжелым и грязным трудом, который давно не выполнялся людьми. Оплаты соответствовали общему впечатлению.

Том почувствовал на себе взгляд.

– У тебя других дел нет, м?

– Нет, – уткнулся в экран сосед, давая понять, что легко избавиться от него не получится. Разве что взять за шкирку и вышвырнуть, как котенка.

Том почесал лоб, посмотрел на оставшийся в пальцах клоч темных волос и засунул его под матрас. На самом деле выгонять Макса он не хотел, компания ему нравилась, даже такая странная. Лучше, чем оставаться наедине с тем, что сейчас убивало его брентную тушку. Кем бы этот сосед ни был, ничего важного он тут все равно не услышит.

Решившись, Том выпрямился, поудобнее уселся на матрасе, потыкал в комм и нажал на вызов.

– Жить надоело? – вместо приветствия осведомился угрюмый белобрысый Винс с едва заметно подрагивающей поверхности виртокна. Белая стена позади него напоминала больничную.

– Не совсем, – не покривил душой Том. – Тебе «помощь» случайно не нужна?

– В чем?

– В бизнесе. – Определения получше он с ходу подобрать не смог, потому мысленно отвесил себе подзатыльник. Ладно хоть второй раз контрабандой не назвал.

Винс громко рассмеялся, сначала удивленно, потом явно злорадствуя.

– Твоя?

– Моя. – Том дождался, пока ядовитый смех сошел на нет, хоть и продолжал отдаваться эхом в ушах.

– Слушай, Радин, – вкрадчиво начал Винс, – я не устаю поражаться твоей борзости, ты в курсе? Если бы не ты, ублюдок, я бы сейчас наслаждался прелестями легальной жизни в Федерации. Ничего, мы с тобой еще сочтемся. Это я тебе обещаю!

Он смачно сплюнул куда-то на пол.

– У меня не было выбора.

– У тебя *был* выбор. Ты его сделал и врал мне в лицо. Слушал и подбадривал, когда я говорил о последних местах, а потом как крыса побежал и занял мое. Жаль, что тебя достали из той дыры, где ты...

– Прелести легальной жизни переоценивают, – перебил его Том и вырубил соединение. Знал, что если дослушает предложение до конца, никогда не сможет простить. Возможно, он и был виноват перед Винсом, но... настолько? Он никогда не намеревался занять именно *его* место.

Свернув окно, он посмотрел на Макса и протянул:

– М-да, ну и подарочек мне сделал майор.

– Чего это?

– Да ничего, говорю. С жильем повезло. И с соседями.

Макс неодобрительно смотрел на него сверху вниз, словно хотел что-то сказать, но не мог решить, стоит ли напрягаться.

– Могу, это, устроить, – заявил он наконец. Тень от шторы падала на его лицо, придавая щеке красный оттенок, чем-то напоминавший боевой окрас.

– Чего устроить?

– Работу. По профилю.

– Это по какому? – Том проследил за взглядом Макса, упиравшимся в сваленную на полу форму, и чуть не подавился воздухом. – Тебе сколько лет-то хоть, предприниматель?

– Ну, девятнадцать. А что это меняет? – ссутулился еще больше Макс. – Я с детства, это, один в этом районе. Защита нужна. Всех знаю. Наемникам хотя бы платят.

Том цыкнул, и Макс заткнулся. Предложение отдавало тухлятиной и удручало перспективой запачкать руки, а соседу он и так уже задолжал за помощь. В одном тот был прав – наемникам платили всегда и немало.

– Хорошо, что взамен?

– Ничего. Должен будешь.

«Никогда еще долги не росли так быстро», – невесело подумал Том.

Через пару часов приглушенной ругани и топота, доносившихся через тонкий пол из квартиры Макса, сосед вернулся, застав Тома за высокоинтеллектуальным занятием – от безделья тот швырял ботинком в стену.

– Странно, – доложил Макс, покосившись на пролетающий мимо снаряд. – Никто даже говорить не хочет. Как будто их, это, напугали.

– Предприниматель, – усмехнулся Том.

– Обижаешь, – надулся Макс. – Я вообще-то, это, договорился. Только тебе не понравится.

Том поймал отскочивший от стены ботинок, да так и застыл, прижимая его к груди, как последнюю заначку:

– Выкладывай.

Макс забрался на подоконник, прикрывшись шторой. Броня из нее была сомнительная и весьма пыльная, но странным образом помогала, даже голос у него начинал звучать увереннее.

– Работы нет. Но один знакомый, хороший, знает одного типа, у которого есть заказ. Клиент там серьезный. Секретный. Говорит, если есть интерес, надо, это, приехать. – Макс потыкал в комм, пересылая сообщение с адресом, и замаялся.

– И?

– И вот это самое тупое, контакта там нет. Надо, это, стоять, короче, через два часа, и вот...

– Кто тебя так говорить учил, ни черта же не понятно, – в сердцах рявкнул Том.

– И ждать, – закончил Макс поток мыслей.

– Чего ждать-то, м?

– Не знаю, – виновато отозвался сосед. – Сказал ждать. Ну я ж предупредил, что тебе, это, не понравится. А говорить я нормально могу.

– Какого ж черта ты мне все мозги сломал?

– Говорю ж, давно один живу. Убогих бьют реже, – пояснил Макс без тени раскаяния в голосе.

Местом встречи была маленькая заброшенная железнодорожная станция, ничего примечательного не имевшая, только выложенный из красного кирпича домик с облупленной панельной крышей. Окна и дверь были закрыты и наискось заколочены досками, на боковой стене пестрели художества местных подростков. Из трещин в покрытии перрона, усыпанного камнями и мусором, пробивалась чахлая темная трава. Том пару раз обошел вокруг строения, но никого не встретил. Уселся на перекошенную лавочку, глядя на чистые отполированные рельсы. Поездами продолжали пользоваться, хоть и не так активно, как раньше. Пассажиры предпочитали летать, а вот поднимать в воздух грузы было слишком дорого. В Коалиции ходила шутка: если все будет летать, что же мы будем с этого иметь. Там, за границами нейтральной зоны, украденное добро считалось военной добычей, а встречалось с ликованием. Том хорошо знал, как быстро затыкается совесть в условиях изоляции и недостатка медикаментов.

Ветер протащил по перрону фантик. Он противно шелестел, задевая о камни, и Том с неожиданной грустью подумал, как не хватает тут листьев: самых простых, живых, настоящих. Опавших, подхваченных ветром, взмывающих вверх. Не хватает весеннего сладковатого запаха, наполняющего воздух над Убежищами Коалиции. Нести дозор весной особенно приятно, настолько, что ребята готовы все правила нарушать, чтобы получить долгожданное «наказание» вне очереди. Том с улыбкой разглядывал траву под ногами. Живую. Участь городских деревьев ее еще не постигла.

Минуты тянулись медленно, солнце наполовину скрылось за горизонтом, ветер к ночи становился все холоднее. Раненая нога болела после длинной прогулки. Том начинал ощущать себя идиотом, хоть и не мог придумать, зачем Максу понадобилось так его подставлять. Не было смысла даже выпроваживать его из квартиры, там все еще нечего брать. И ведь повелся же. Назначенное время наступило и успешно миновало. Пару раз Том порывался встать и уйти, но оставался, отстегивая несуществующему нанимателю еще пятнадцать минут. Руки так и чесались начистить безответственному соседу морду, дай только добраться. Останавливало занудное внутреннее чутье. Или просто лень было шевелиться.

Шаги Том услышал задолго до того, как человек появился из-за угла, потому и продолжал расслабленно сидеть, глядя вперед. Только самый натренированный взгляд мог бы заметить, как напряглась его спина, а мышцы приготовились к броску. Человек его не окликнул, но и удивления не выказал. Молча присел на край лавки слева, вытянул перед собой ноги в широких синих брюках, свисающих до земли и пачкающихся в пыли. Положил на колени перчатки. Знак доброй воли, теперь специальный материал не заглушал сигнал чипа. Том хмыкнул, не удержавшись, – слишком пафосным показался этот жест. Был в нем и второй скрытый смысл – заблокировать чипы простым гражданам запрещалось. Человек обозначил свое место в пищевой цепочке. Игра в молчанку продолжалась. Мимо почти беззвучно пронесся короткий, всего из пары вагонов, грузовой поезд, оставил за собой поднятую порывом ветра пыль. Человек подхватил перчатку и чихнул в нее, Том встал, сделав вид, что собрался уйти. Ждать надоело.

– Знакомое лицо. – Голос показался слишком слащавым.

– Не могу ответить взаимностью. – Том сел обратно, удостоив собеседника лишь коротким взглядом.

– Добро пожаловать домой. Нравится у нас?

Все инстинкты Тома разом возопили об опасности. Поганое безлюдное место, прятаться негде, внимания не привлечет, даже засада не нужна. Он сильнее любого человека. Был. До прошлого года. Но явно слабее любого бластера.

– Деревьев не хватает.

Человек издал похожий на хихиканье звук.

– Действительно, – согласился он и продолжил деловым тоном: – Убивал?

Тому пришлось подключить самообладание, чтобы не повернуться к нему.

– Нет, – слишком поспешно.

– Понимаю, понимаю. – В голос вернулась слащавость, поднимаясь до предельной отметки. – Даже война уже не та, что раньше, не правда ли? Поддержание теперь требует «объекты», а не жертвы.

Куртка прилипла к спине. Была эта нелепая игра слов намеком или случайностью? Проверкой.

Человек встал. Ветер трепал широкие штанины, притягивая к ним взгляд Тома.

– Тебе позвонят через семь минут. Советую ответить.

И он, не оборачиваясь, удалился.

Ветер прошелестел знакомым фантиком в обратном направлении. Пахло дымом.

– Дешевый фокус, – плюнул ему вслед Том и поежился.

5. Заказ

Низкая одноместная машина ехала, легко покачиваясь на выбоинах в дорожном покрытии. Здесь, вдали от центра, никому не было до него дела. Том заставлял себя неотрывно смотреть в окно, радуясь, что не летит, тогда упереть во что-то взгляд стало бы сложнее. Еще на станции он первым делом осмотрел машину, прибывшую за ним в тот же момент, когда комм принял обещанный звонок, а механический голос пригласил его внутрь. Внешнее отсутствие камер только убеждало, что они были. Том чувствовал, что ввязался в игру, правил которой не разобрал, но был уверен, что составлены они не в его пользу. В раздумьях он не сразу заметил, как почти отгрыз ноготь на большом пальце, отрезвил вкус крови во рту. Он поспешно опустил руку, дернул пониже рукав куртки.

На город опустилась ночь, дорогу без фонарей лишь изредка освещали незатемненные окна. Потом пропали и они, стоило машине пересечь красную голографическую полосу-стену, отделяющую закрытый центральный сектор от остальных. Никаких протестантов Том не заметил, зато удивился, что полоса никак не отреагировала на ее пересечение. Похоже, пропуском он обзавелся незаметно для себя, или, что вероятнее, машине разрешался въезд независимо от наличия пассажиров. Ее хозяин должен был обладать нехилым влиянием, чтобы такое устроить. Широкие дороги центра пустовали, фонари не горели. Дома появлялись и исчезали в окне безжизненными темными силуэтами, в них не было ни огонька, ни признака жизни. К обочинам жались припаркованные гравимашинки, брошенные дожидаться возвращения хозяев. Том попал в безлюдный город-призрак.

Вскоре дома сменил серый забор, высокий и гладкий, а судя по тускло светящимся знакам – еще и под напряжением. Такими огораживали особо опасные объекты. Вдоль забора мостились жилые фургоны для временных рабочих и фуры с неразличимыми в темноте надписями. Смахивало на большую стройку.

Когда машина наконец остановилась, снаружи не доносилось ни звука. Никаких намеков на присутствие встречающих. Том потянулся к кнопке на дверце, но в то же мгновение последняя с шипением отъехала сама. Он выбрался наружу, расправил плечи, простое действие отчего-то придавало уверенности. Свежий ночной воздух с едва заметным цветочным ароматом заполнил легкие, а Том непринужденно огляделся, решив, что пока ему ничего не угрожает. Его бы не везли сюда так долго и через сканеры на полосе, чтобы просто избавиться или схватить, слишком много следов осталось, на заброшенной станции вышло бы проще. Нет, его рассмотрели, изучили, измерили и признали годным, но для чего?

Теперь он стоял на той самой площадке, которую видел сегодня в Сети. Белые стены главного здания корпорации «Поддержание» нависали над ним, разрисованные узорами теней и огоньками охранных дронов, «спящих» вдоль крыши.

«А гостей-то вы не любите», – подумал Том, пересчитав те, что успел рассмотреть.

Выгравированный на дверях «глаз» пялился на него, стараясь рассмотреть самые мерзкие уголки души. Позади с шипением закрылась машина, свет в салоне и фары погасли. Том сглотнул – ощущение было такое, словно последний из живых только что бросил его в одиночестве. Он перенес вес тела с одной ноги на другую и скрестил руки на груди. Двери здания перед ним бесшумно распахнулись, представляя взору просторный холл. Вдоль стен освещенный тусклыми декоративными лампами, он казался огромной пещерой, дальний конец которой терялся во тьме. Справа из полуоткрытой двери на пол ложились голубые отблески от терминалов, должно быть, дежурка ночной охраны. Никто оттуда не появился, хотя Том не сомневался, что за ним пристально наблюдают. Из глубины холла медленно выплывало, увеличиваясь, светлое пятно, пока не превратилось в хрупкую девушку в белом костюме. Она остановилась у дверей, оглядела Тома с ног до головы, нахмутив высокий лоб, кивнула своим

мыслям или инструкциям, слышимым только ею в ушном чипе, и жестом пригласила внутрь. Долго упрашивать не пришлось.

Кабинка лифта медленно направилась вниз, в другое время это бы даже порадовало, к подземельям Том привык, Убежища Коалиции мало от них отличались. Сейчас не покидала неизвестно с чего взявшаяся мысль о спуске в склеп. Спутница помалкивала, вжавшись в стену, словно задалась целью занимать как можно меньше места. Том покачивался на здоровой ноге, пытаясь дать отдых раненой. Лифт остановился, ожидая чего-то, девушка скользнула вдоль стены к двери и приложила руку к считывающему устройству. Мигнул голубой огонек, лифт спускался еще пару секунд. Том понял, что на нижние этажи требовался особый пропуск. Наконеч створки разъехались, вперед простирался длинный ярко освещенный коридор минус седьмого этажа. С однотипными дверьми по обеим сторонам он напоминал гостиничный или больничный, только стены были выкрашены в гляцевый серый цвет. Серебристый.

На ходу Том рассматривал таблички на сенсорных панелях у дверей – никакой полезной информации, только длинные номера. В голове неприятно кружилось, зрение сузилось, превращая мир в бесконечный серый туннель. Взгляд не желал задерживаться даже на плавно покачивающихся впереди приятно округлых бедрах девушки. Одна из дверей слева беззвучно распахнулась, в нос ударил едкий запах антисептика, а следом за ним в Тома с громким возгласом влетел взъерошенный человек, на ходу натягивающий белый халат.

От вездесущего антисептика жжёт глаза, горечь во рту не исчезает даже во время еды.

– На выход, на выход. – Кто-то тыкает бластером в спину, толкает по бесконечному коридору. Боль сводит с ума, и Том не знает, что заставляет его держаться на ногах. Упрямство?

«Сегодня не кормили, – думает он, с трудом продвигаясь вперед. – Зато продезинфицировали, не жалея этого вонючего дерьма. На трупы еду не переводят, а улики надо смыть заранее, м?»

– Давай, шевели ногами. Свежий воздух ждет.

Впереди открывается дверь, за ней нет ничего, кроме яркого белого света.

– Эй, все нормально? Нормально? – Человек в халате повис у него на руке, заглядывая в лицо возбужденно-круглыми глазами. – Может, на свежий воздух?

– Нормально, – повторил за ним Том, отлипнув от шершавой стены и потирая ушибленное плечо.

– Что же вы от меня так шарахнулись-то! – сокрушался человек, заламывая руки. Гризмасы на его лице за несколько секунд отразили весь спектр чувств от злости до ужаса и отчаяния. – Простите, прошу! Не ожидал кого-то тут *сбить* в такое-то время суток! Право, за какое чудовище вы меня приняли?

– За белое, – прошептал Том почти беззвучно, человек не смог бы услышать.

Тот вздрогнул, едва различимо.

– Вы куда-то спешили, доктор Фельманн, – с нажимом в голосе напомнила девушка.

– Да. Простите, – смутился человек в халате, хватая Тома за руку и пожимая ее. – Простите.

Его взгляд выхватил шрам на запястье. Человек отпрянул, дерганным движением взъерошил волосы на макушке, и без того торчащие в разные стороны. Краска сошла с бледных щек, а мешки под глазами, напротив, налились синевой.

– Простите. Я действительно очень спешу.

Дверь в конце коридора отличалась от остальных: не автоматическая, без таблички или сенсора. Ее украшала старомодная округлая ручка, какие встречались на исторических снимках. Девушка толкнула ее, прилагая заметные усилия, в двери скрипнул давно не смазанный механизм, пропустила Тома вперед, но заходить не стала. Послышался глухой удаляющийся стук каблучков.

Небольшой кабинет пустовал, длинный стол светился растянутым по всей поверхности виртуальным окном терминала. Том лишь взглянул с удивившим его безразличием: пару лет назад он бросился бы к нему и потратил все время на угадывание пароля, в надежде передать Коалиции что-нибудь ценное. Пару лет назад он был мальчишкой, желавшим изменить мир. Выяснить, кем он стал теперь, не доставало времени.

Часы на стене пробили полночь, привлекая внимание. Нога болела. Том плюхнулся в одно из кресел для посетителей, рассматривая имитацию окна на стене. В голове опустело, тревоги испарились, уступив место усталости.

– Вижу, вы нашли чем себя занять, – констатировал скрипучий голос, от звука которого у Тома дрожь пробежала по затылку. Смутившись, он прекратил ковырять подлокотник. Дурная привычка, но ждать, ничем не занимая пальцы, он плохо умел. Те сами пускались исследовать доступные поверхности.

Вошедший человек засмеялся, неприятно посвистывая, словно легкие у него были пробиты. Обошел комнату и приблизился к столу, позволяя себя разглядеть, присел в высокое кресло, вставил в специальное крепление серебристую трость с круглым набалдашником. Волевое лицо покрывали морщины, седые волосы были тщательно уложены, в глубине ясных глаз отражались усталость и – Тому совсем не понравилась возникшая ассоциация – жажда. Человек лукаво улыбался и внимательно следил, подмечая каждое движение или реакцию. Том стиснул зубы. Он всегда считал себя никудышным актером, а тут еще и не понятно, во что приходилось играть.

– Полагаю, представляться мне необязательно? – Человек с насмешливым выражением поклонился, присаживаясь, и продолжил: – Молчите? Ну что же вы, почувствуйте себя как дома. У нас намечается чрезвычайно личный разговор. Леннарт Бригер. Хозяин этого, – он развел руками, – восхитительного места.

– Очень приятно... – соврал Том.

– Уверен, уверен, – перебил его Бригер с масляной улыбкой. – Не утруждайтесь. Я все о вас знаю. Хаарс, который прожил среди людей пятнадцать лет. Пятнадцать! Заслуга вашей матушки, не иначе? Восхитительно! Вас даже не нужно учить, как быть человеком! Мы бы хотели строить будущее с такими, как вы.

Последнее предложение Тому не понравилось, человек был опасен. Бригер скрипуче засмеялся.

– Я слышал, что Федерация поступила с вами не лучшим образом. Мне искренне жаль, – сообщил он с достоверностью попрошайки, повествующей о пяти некормленных отпрысках. – Поддержание всегда стремилось находить, хм, компромиссы. Столько лет подряд я выступаю за скорейшее улучшение отношений, но кто же слушает, поймите. Но я не сдаюсь.

– Уверен, что вас слушают достаточно.

– Вы только представьте, какое изумление меня настигло, едва я узнал, *кто* откликнулся на мое приватное предложение! Я-то всего-навсего надеялся получить кого-то из тех, кого никто не станет искать, – улыбнулся Бригер с раздражающей честностью. – Восхитительно! Так намного интереснее! И как Коалиция вас только отпустила?

– С радостью. – Том слишком поздно понял, что легко поддается на провокации.

– Зря. – Бригер выдержал паузу, почесывая переносицу. – Я бы так легко не отпустил.

Том не сразу понял, что выражение его лица, должно быть, изменилось, потому что Бригер поспешил откеститься:

– Нет, нет, я абсолютно ни на что не намекаю. Впрочем, скажите, как вы относитесь к Поддержанию?

По правде говоря, Том предпочел бы никак к нему не относиться, но такой ответ вряд ли был верным. Снова вернулось неприятное ощущение, будто человек сканировал его взглядом. Когда-то давно Бригер с коллегами, взвалив на себя честь и проблемы первого контакта с

инопланетной расой, создали корпорацию, которая, как мостик между людьми и хаарс, должна была стать основой сосуществования и дружбы. А превратилась в символ вражды и геноцида, со временем принесла последнему живому хозяину почти неограниченную власть и богатство. Бригер, лучащийся показной самоотверженностью, кое-какие заслуги все-таки имел: именно с подачи Поддержания девятнадцать лет назад были отменены и запрещены сканирования новорожденных – закон, положивший, хотя бы на бумаге, конец истреблению детей хаарс. У частичного запрета сканеров быстро появились как сторонники, так и противники, хотя все они понимали, что это был первый и долгожданный шаг к деэскалации конфликта. Поддержание принуждало Федерацию к созданию все новых нейтральных зон. Но это был лишь фасад, а о грязных тайнах корпорации ходили легенды.

– Молчите? Понимаю. – Бригер явно не привык ждать ответов. Его голос имел мерзкое свойство звучать выше, если предложение было вопросительным.

– Не довелось составить собственное впечатление.

Бригер удовлетворенно кивнул.

– Восхитительно. – Казалось, что он вот-вот захлопает в ладоши. Вместо этого он наклонился вперед с заговорщической улыбкой. – Нейтралитет всегда в цене. Кто-то с вашими, хм, исходными данными мне отлично подойдет.

– Внимательно слушаю, – выдавил из себя Том. – Должен предупредить, что многие *исходные данные* остались в прошлом.

– Ах, не беспокойтесь, – отмахнулся тот, – я не предложу вам ничего, с чем вы бы не справились. Ничего сложного. Вам потребуется войти в доверие к одному, хм, человеку и выяснить, что он от меня скрывает и что замышляет. Никаких противозаконных действий, никакой угрозы для нашей *любимой* Коалиции.

За ухом пикнуло входящее сообщение, Том бросил взгляд на Бригера и, получив довольный кивок, открыл анонимное окно с посланием. Число, обозначенное на экране, было немногим меньше требующейся на лечение суммы.

– Это аванс, – добил потенциальный наниматель, стремительно переходя в категорию действующего.

Том слотнул и решил спросить напрямую:

– В чем подвох?

– Ах, практически ни в чем, – откинулся на спинку Бригер, с видимым удовольствием поглаживая подлокотники, – человек, с которым вам придется, хм, работать, мой давний немецкий *друг* и коллега Патрик Фукс. Вижу, вы знаете это имя. Как вы понимаете, в этом городе, а то и на всей территории Федерации вряд ли найдется кто-то, о ком господин Фукс не смог бы получить всю возможную информацию. Но вы... Вы – уникальный случай. Официальный договор о вашем прибытии дошел до Поддержания уже после того, как *уважаемый* коллега покинул нас.

– Это ему не помешает.

– Нет, не помешает. Но ваши мотивы он легко определить не сможет. Ваше лицо известно, не мне вам об этом говорить. Вы – символ. Признаюсь откровенно, я пока не уверен, что именно вы символизируете. Подскажете? А впрочем, неважно. У вас больше причин ненавидеть Федерацию, чем у кого-либо на планете, и все-таки вы здесь. Восхитительно! Никто не заподозрит вас в работе на *меня*. Ах, не беспокойтесь. Вы же не убивать его идете, право слово. Впрочем, а могли бы?

– Не стал бы, – ушел от прямого ответа Том. – И как, по-вашему, я должен втереться к нему в доверие?

– Больших усилий не потребуется, – отмахнулся от него Бригер. – Вы живой экспонат. Если вы захотите крови, Фукс вам поверит. Поверит вашему прошлому.

Бред, решил Том, но терять все равно было нечего.

– Что я ищу?

– Информацию. – Голос Бригера, неожиданно серьезный, разом потерял всю скрипучесть. – Мой дорогой коллега покинул нас, унеся с собой единственные копии его исследований. Работа всей жизни, понимаете. Так получилось, что он, хм, не имел на это права.

Том выпрямился, сосредоточенно кивнул. Он старался разобрать и запомнить не только слова, но и изменения интонации, скрытые за ними, от этого могла зависеть и его жизнь. Перед ним был человек, способный на все, и сейчас он играл во что-то, понятное только ему.

– Уверен, вы без труда найдете то, что ищете. Дорогой Фукс возглавлял у нас медицинский отдел. Его разработки крайне важны для *меня*. Узнаете, что у него сохранилось, и доложите.

Том с иронией подумал, что с лечением тут проблемы не только у него. Не то чтобы он всерьез собирался спрашивать о своей шкурке у Бригера – перспективу сдаваться Поддержанию на опыты он не рассматривал. Одно дело – прибьют, другое...

– А если у него ничего нет?

Бригер прищурился, облизывая губы:

– Тогда и решим. Постарайтесь держать его подальше от Поддержания. Нет, возвращать деньги не придется.

Том украдкой зыркнул на незакрытое виртокну с «авансом». Предложение казалось ему невероятно глупым, оплата – несоразмерной, а интуиция вопила об опасности и требовала отказаться. Он мог представить, почему Бригер не пытался просто устранить Фукса, было бы слишком очевидно, а серый кардинал Федерации, по слухам, очень дорожил репутацией. Гораздо проще выставить все как несчастный случай или... диверсию хаарс. Том вспомнил предупреждение майора: не влезать туда, откуда не сможешь выбраться.

– Так вы согласны?

– Согласен.

– Восхитительно! – Бригер хлопнул в ладоши. – Я пришлю вам все, что необходимо знать о моем *уважаемом* коллеге. А также пропуск в центральный сектор. Вы сможете передвигаться тут почти свободно, но *прошу*, не суйте нос не в свое дело. Дальше – вы как-нибудь сами, сами. Уверен, что вы меня не разочаруете.

– Кто стоит за Инцидентом? – спросил Том уже от двери, не оборачиваясь. Просто не мог уйти, не спросив.

– Не могу знать, – приторно скорбным тоном ответил Бригер.

Не могу знать. Этот ответ он давал каждый раз, когда его спрашивали публично. Том много раз слышал его в записи, в Сети, в интервью. Просто слова, формальность, но что-то не давало покоя.

– Я готов отказаться от денег в обмен на информацию. Слышал, вы следите за всем, что происходит в мире.

– Не могу знать, – как плохо закольцованная аудиозапись, повторил Бригер.

Дорогу наружу Том нашел сам. Лифт в конце коридора гостеприимно открылся, стоило приблизиться к нему. На улице светать еще не начало, но воздух уже казался чистым и свежим. Утренним. Вокруг стояла тишина, и очень не хватало пения птиц. Том спустился с крыльца, прошагал через примыкающую к нему площадку и остановился у дороги. Вспомнились двое, проходившие здесь пару дней назад и попавшие в объектив вездесущего телевизионного дрона.

– Втереться в доверие, м? – пробормотал он себе под нос. – Осталось только научиться врать и не выглядеть при этом, как котенок в миске со сметаной. Тьфу. Проще простого.

Ему хотелось вернуться и отказаться. Жаль, что других вариантов не нашлось. Он приехал сюда за шансом и получил его, глупо было бы даже не попытаться. Том поехал, не покидало ощущение чужого взгляда. Он обернулся на темные окна полупустого здания. В одном из них едва заметно мелькнула тень и скрылась из вида.

6. Кукла

От регенерационок Тома мутило, к счастью, часто ими пользоваться не приходилось. Однажды мать заставила забраться в одну из этих странных коробок, подозревая у него сотрясение мозга. Ничего хорошего не вышло: эффекта Том не ощутил, а риск не оправдался – их все равно вышвырнули, как только врач взглянул на сканер. Мать плакала, он злился и не понимал, зачем было пробовать. Сейчас, добравшись до медцентра и переведя лысому аванс, Том снова попробовал одну из них. Никаких «страховок» не понадобилось, да и приняли его как родного. Теперь мутило мерзко. Жители подземных Убежищ не страдают клаустрофобией, но что-то трепетало в груди, а кисти рук подзамерзли.

Выбравшись на свободу, Том отправился гулять по сектору. Память сохранила улочку, где раньше торговали самодельными и крадеными вещами. На удивление, бизнесмены в ней оказались на прежнем месте, а главное, здесь никто не обращал на него внимания, люди вообще старались не поднимать взгляд. Расплатившись и быстро переодевшись, он сунул старые шмотки в уличный утилизатор. Длинные рукава новой футболки удачно закрывали шрамы на запястьях. Нога почти не болела, но снимать порезанный ботинок не хотелось, так что менять его он не стал. На душе полегчало.

Досье на Патрика Фукса содержало уйму ненужных подробностей, вроде цвета глаз и любимого сорта чая. В прошлом гениальный биоинженер, а потом и ксенобиолог, он проработал в Поддержании без малого сорок лет: налаживал контакты с хаарс, принимал участие в разработке договора по обмену знаниями и технологиями. В последние годы Фукс занимался изучением и воспроизведением доставшихся Поддержанию медицинских технологий. Проще говоря, украденных у хаарс. Фукс смог выпустить собственный прототип регенерационной камеры или был к этому близок, не хватало ему как финансирования, так и консультаций от «правообладателей».

Местонахождение Фукса после того, как он покинул корпорацию, значилось неизвестным, гравимашина – проданной, а особняк в западном секторе пустовал в ожидании новых арендаторов. Еще на Фуксе висела куча неоплаченных счетов за ремонт транспорта. «Дерьмовый должен быть транспорт, если его даже машиной не назвали», – подумал Том. Судя по расшифровкам счетов, так и было, ремонтировали там все, до чего смогли дотянуться.

Потратив час на блуждания по улицам, Том наконец нашел то, что хотел, – старенький печатный автомат. Такие еще оставались в ходу у тех, чьи сделки не были достаточно легальными, чтобы светить их в Сети, а клиенты не вызвали столько доверия, чтобы ограничиться устным договором. К досье Фукса прилагалось много фотографий, на большинстве была женщина, красивая, но грустная, проблемы не покидали ее, даже когда она улыбалась. Даже когда стояла в свадебном платье, обнимая Фукса. Сам он фотографировался редко, Том просмотрел все, что было, и выбрал один снимок – сидящий на лавке Фукс, лет на двадцать моложе, на руках у него уютно свернулся спящий ребенок, виднелась лишь крошечная спинка с выпирающими сквозь тонкую синеватую кожу позвонками. Автомат выплюнул фото, чуть не улетевшее на землю, Том сложил его пополам и засунул в карман. Ни собственной памяти, ни кому он не доверял.

Подходила пора решать, куда двигаться дальше. Фукс, вышвырнутый из Поддержания, хоть Бригер и не сказал этого вслух, прихватил что-то, зная, что его будут искать. Он пошел на конфликт и был готов к нему, вряд ли он еще появится там, где его ожидает Служба безопасности корпорации. Но как много осталось мест, где мог бы скрыться один из самых известных людей на планете? Есть ли у Поддержания слепая зона?

Судя по звукам, доносившимся из-за бесконечного серого забора, в середине центрального сектора действительно развернулась какая-то стройка. В остальном при свете дня здесь

было гораздо приятнее, чем ночью. Наворачивая круги, Том увлеченно рассматривал припаркованные фургоны и жилые вагончики, выискивая пресловутый экранированный дрон в темной комнате. Развалюх было много, половину из них он не стал бы чинить, даже имея состояние Бригера. Том надеялся, что не ошибся.

Все дороги вели к Поддержанию. Вернее, к небольшому огороженному скверу перед главным зданием страны, который стройка, по счастью или по велению хозяина, пощадила.

Раньше здесь располагалась кофейня. История ее началась примерно пару веков назад, семейный бизнес передавался из поколения в поколение, став символом центра. Поддержание выкупило историческую забегаловку, пережившую под его стенами войну, и обещало сохранить. Обещание сдержали лишь частично. Сквер остался на прежнем месте, обзавелся покачивающимися на гравиподушках лавочками, аккуратными тропинками и вечнозелеными искусственными кустами. Кофейню автоматизировали и уменьшили до аппарата с парой столиков вокруг. Потом пропали и столы, их заменила памятная табличка.

Том оторвался от ее изучения и посочувствовал бывшей кофейне. Аппарат, выполняющий ее функции, привлекал скорее запахом, чем видом: он был так хорошо запрятан между пышными кустами, что заметить его оказалось довольно трудно, если, конечно, не знать заранее, куда нужно смотреть. Впрочем, много подсказок Тому и не требовалось, за этим ароматом он пошел бы в пекло. Пришлось признаться себе, что Макса с его странным пойлом в жизни все-таки не хватает. Успел привязаться к этому придурку, а может, просто к нормальному отношению.

Аппарат был занят. Том остановился на вежливом расстоянии, осматривая конкурентку за обладание чашкой кофе: миниатюрные белые ботиночки, две стройные ножки, уходящие под начинающуюся чуть выше колен темно-коричневую юбку, которая весьма удачно подчеркивала округлые бедра и узкую талию, светлый пиджачок, наполовину скрытый копной черных выющихся волос. Весенний ветерок легко перебирал их, наводя беспорядок. В ожидании Том лениво думал о том, сколько ей было лет. Со спины совсем не угадать, казалось, разброс мог составлять лет до тридцати, не меньше. Скажешь «девушка», а повернется... Завитки ее пышных кудряшек слегка покачивались, соблазнительно маня протянуть руку и расправить их, он представлял ее совсем девчонкой.

Она сделала два шага назад и остановилась, помешивая кофе. Том подумал, не обойти ли по траве, и тут девушка стремительно обернулась, как по взмаху палочки невидимого дирижера. Он успел с необъяснимым внутренним торжеством отметить, что не ошибся: она была молода, не больше тридцати, быть может, двадцати пяти?

– Подыграй, – донеслось до него.

На секунду Том растерялся, мог бы поклясться, что она даже не пошевелила губами. Прежде чем он успел ответить, она взвизгнула, выпустила стакан из рук и тут же в панике прикрыла пальцами рот, словно звук напугал ее сильнее, чем «неожиданное» столкновение. Том запоздало отпрянул и понял, что вожденный запах кофе останется с ним надолго. Мысленно поаплодировал актерскому таланту незнакомки.

– Часть с обливанием можно было и пропустить.

– А какого черта ты ко мне подкрадываешься? – завопила девушка, с грозным видом уперев руки в бока. Ни следа испуга или смущения на лице не осталось, возмущалась она искренне. Почти.

– Даже не собирался, – открестился Том, попутно перебирая в уме всех знакомых или хотя бы просто запомнившихся женщин. Нет, ее он не знал.

– Ой, да ладно, – прищурилась она, – ты приперся именно сюда и именно сейчас ради кофе, конечно. Именно в эту вот минуту, в три часа дня, да?

Том открыл рот, собираясь сказать, что так оно, в общем-то, и было, но передумал и закрыл, закусив щеку и рассматривая наглою девчонку. Таких он совершенно точно не встре-

чал: черные кудри обрамляли бледное, с совсем легким румянцем, лицо в форме сердечка; острый подбородок чуть задран вверх; пухлые розовые губы, искривленные в ехидной усмешке. Но самыми странными были огромные глаза, пристально смотрящие из-под густой и слегка длинноватой челки. Почти белые. Жидкое серебро, окружающее гневно сузившиеся зрачки, гипнотизировало. Том не мог оторвать взгляда, как не мог понять и собственной реакции: ее глаза приковывали и вызвали отторжение одновременно, почти отвращение. Она напомнила кукол из магазина игрушек. Мать запрещала заходить в него, над дверью висел сканер, потому Том проводил много времени, прильнув к прозрачной стене и рассматривая чудеса на вращающихся подставках. Там были популярны эти куклы – жуткие создания с жуткими глазами, выставленные на видные места и противные до холода на затылке.

Девушка отвела взгляд первой, ловко наклонилась, подхватив упавший стаканчик, и швырнула его в утилизатор. Ощущение было таким, словно с Тома только что оковы сняли.

– Этот был последним третьего сорта, – предъявила она с интонацией судьи, выносящей смертный приговор. Обжалованию не подлежит.

На голову ниже него, нахмурившаяся до глубокой складки между бровей, она смотрелась до странного угрожающе и ничуть не комично. Том растерянно пожал плечами, не найдя, что ответить.

– Анна, время, – раздался позади них грубый мужской голос. Том сделал шаг в сторону, пропуская девушку по тропинке. Показалось, или на лице ее отразился мимолетный испуг?

Она прошла мимо с гордо поднятой головой, обогнула стоящего неподалеку амбала в форме с логотипом частной охранной службы и двинулась к выходу из сквера. Амбал держался в двух шагах позади. Том почувствовал, как остывают мокрые пятна на джинсах, мерзко прилипших к ногам, и подергал за штанины, а когда снова поднял взгляд, успел заметить, как девушка обернулась, порывав глазами, скользнула по нему взглядом и поспешно отвернулась.

Он хмыкнул, возвращаясь к кофейному аппарату, едва не спросив у того: ну что, как тебе этот цирк? Часы на сенсорной панельке для оплаты показывали три пятнадцать. За спиной, совсем близко, послышался тихий звук случайно сдвинутого чьей-то ногой камня.

7. Маленькая услуга

– Чувак, тебе не кажется, что она обернулась, чтобы на тебя посмотреть?
– Да что ты у него спрашиваешь, я тебе сразу сказала! Она на него так и залипла.
– Даже охранника не постеснялась!
– Ну знаешь, это еще вопрос, кто из них кого охраняет и от кого.
– Ой, да без разницы, но слушай, вот это номер! А мы тут голову ломаем, чем еще ее завлечь.

– Да ты просто мордой не вышел, это я тебе тоже сразу сказала. Чего тут гадать-то?

– А этот, значит, вышел?

– Вышел или нет, но ей зашел. Тьфу, язык свернула.

Том стойчески не оборачивался, допивая с таким трудом добытый кофе и рассматривая ближайший куст. Восторженная перепалка за его спиной продолжалась, а необходимости в нее вмешиваться он не ощущал. Парочка прекрасно справлялась с обсасыванием увиденного самостоятельно, представление явно предназначалось ему, и Том решил сделать ход – сунул стаканчик в утилизатор и скользнул прямо в толстый куст позади автомата.

– Ой!

– Стоять!

– Ты еще «полиция» заори.

– А что не «Поддержание»?

– И везет мне на идиотов-напарников...

Том понял, что держась за живот и давясь от смеха, далеко не уйдет. Парочка заткнулась, прислушавшись, и, ничуть не смутившись, полезла следом, возобновив выяснение отношений.

– Сама такая!

– Вот, теперь он над тобой ржет.

– А что сразу надо мной?

На звук они представлялись куда колоритнее, а с первого взгляда «объекты» показались обычной шпаной. Не близнецы, но похожи, одежда неприглядная, хотя у парня за поясом нож не просто так прицеплен, показательно, семейная реликвия. От мысли о лезвиях принялась зудеть раненая нога. Ножи прочно вошли в обиход и в моду: идеальное оружие, больших навыков боя не требовало, а взламывать в нем было нечего. Поддержанию, сохранявшему монополию на производство вооружения, включая даже ширпотребные бластеры, не доверяла ни одна из враждующих сторон. Все, в чем содержался чип, могло быть перепрограммировано или скомпрометировано.

– От отца достался. – Объект, которого Том окрестил «парнишей», проследил за его взглядом и с гордой физиономией повернулся боком, демонстрируя нож.

– Самое время, – фыркнула его подружка, запустив обе руки в короткие пшеничные волосы и вспушив их. Аккуратнее не стало.

Том рассматривал их с таким умилением, что умудрился смутить обоих.

– Так что она тебе сказала? – вернулась к делу девчонка.

– Да подожди ты. – Парниша задел ее плечом, выпячиваясь вперед и протягивая руку. – Я Финн, это Шарлотта, она тут немножко странная.

Он пригнулся, уворачиваясь от гневного подзатыльника.

– Чарли, – поправила она.

– То есть по именам вас тоже не слишком легко отличить.

Том представился и пожал протянутую руку.

– Другое дело, – прокомментировал Финн, бросая ехидный взгляд на взлохмаченную подружку.

– А теперь можно перейти к полезным вещам, или еще церемонии будут? – не осталась в долгу она.

Финн вздохнул, закатывая глаза, но явно готовый защищаться.

– Шпионы-неудачники, м? – с широкой улыбкой осведомился Том, смирившись с тем, что придется потратить время, чтобы отвязаться от них.

– Типа того, – радостно выложил парниша, – не-не, ты не подумай ничего такого.

– Да пусть думает, что хочет!

– Просто познакомиться хочу.

– Ага, романтик хренов.

– Зануда.

Финн так сильно старался показать, как все на самом деле «просто», что не оставлял шанса поверить. Впрочем, представление Тому нравилось. Нашли кому лапшу на уши вешать.

– Ну хочешь мы тебе за ответы заплатим? – Девчонка оказалась практичной, а ее приветливость была наигранной.

– Заплатите, – с улыбкой разрешил Том, всерьез он их воспринимать так и не начал.

По лицу Чарли скользнула тень недовольства. На что, интересно, она рассчитывала? Что он честь неизвестной дамы будет защищать?

– Сколько? – заинтересованно встрял Финн, которого моральные проблемы не удручали.

– Без разницы, – честно сказал Том. Чего бы они там ни хотели, но богатеями не выглядели, а рассказывать ему было нечего.

– Стоять на месте – значит привлекать чужие уши. Идем, – скомандовала Чарли и полезла обратно через куст.

– Ты в курсе, что его можно обойти? – уточнил парниша, за что был гневно послан в известном направлении.

Финн пошлепал в обход, заинтересованный Том побрел за ним, а потом и по дорожке за обоими, отставая на пару шагов и с любопытством рассматривая парочку. Финн довольно пялился по сторонам, то и дело что-то болтал, беззаботно шаркал подошвами по дорожному покрытию. Парниша и есть, прозвище ему прекрасно подходило. Чарли показалась не такой простой – походка уверенная, спина прямая, плечи едва заметно отведены назад. Знакомая выправка. Под курткой спрятан бластер, выдает характерная выпуклость на поясице. Тома не покидало чувство, что где-то он эту Чарли уже видел. Воображение упорно дорисовывало ей длинные волосы. Но было и что-то еще. Нет, не шпана.

– Она всегда появляется после полудня, чаще всего в одно и то же время, – вещал парниша, и Том спохватился, что пропустил начало рассказа.

– В три, – раздраженно добавила Чарли. Чем больше болтал Финн, тем быстрее ухудшалось ее настроение, она походила на человека, горько жалевшего о только что совершенном импульсивном поступке.

– В три, – беззлобно согласился парниша, – она проводит в парке минут пятнадцать, пьет кофе, иногда просто сидит на лавке и смотрит.

– Угу, «смотрит», – передразнила Чарли, – аж в дрожь бросает, если такое на тебя посмотрит.

– Да ну тебя, шикарные глаза, – отмахнулся Финн.

– Куда уж мне до такого.

– Охранник всегда с ней выгуливается, но близко не подходит, дисциплину знает. – Парниша явно натренировался игнорировать замечания.

– Но стоит только попробовать с ней заговорить, и он сразу вмешается.

– Точно, прям из кустов выпрыгнет! – Финн резко качнулся в сторону Чарли, после чего безропотно принял заслуженный подзатыльник.

Добравшись до противоположной части сквера, подальше от входа, Чарли сбавила шаг.

– Так на кой черт она вам сдалась, м? – придвинулся поближе Том, позевывая на ходу, бессонная ночь давала о себе знать, хотя чувствовал он себя на удивление нормально. Решил, что сработало самовнушение после регенерационки.

– Не твое дело, – отрезала Чарли. – Просто ответь на вопросы, мы как-нибудь сами решим, зачем нам это. Сколько хочешь?

Любопытно, отметил про себя Том. Люди хватаются за малейшие зацепки разве что от отчаяния.

– С чего вы взяли, что она мне что-то сказала? Бред какой-то несла, если уж откровенно, что я ее аппарат занял по расписанию. Кофе... подарила.

Он театралью перевел взгляд на подсохшие пятна на штанах, Финн восторженно хрюкнул, но от комментария удержался.

– Возмущалась, как будто я ей жизнь сломал.

– Врешь? – спросила Чарли, хотя по голосу было понятно, что она поверила, вероятно, такого ответа и ожидала, просто надеялась на что-то другое.

– А хочешь попробовать еще раз? – вскинул голову приунывший было Финн.

– Что? – синхронно спросили Том и Чарли.

– Ну, встретиться с ней, поговорить.

Том подумал, что ему и одного кофе вполне хватило. Но чем больше предложение проникало в мозг, тем больше он уверялся, что не против посмотреть на незнакомку снова.

– И на какой черт мне это нужно?

Он с самого начала не сомневался в том, что парочка возникла тут не случайно. В совпадения Том не верил, но если повезет, то эти кретины ошиваются здесь достаточно долго, чтобы помочь ему найти нужный транспорт; оставалось выяснить, получится ли использовать их, пока они пытаются использовать его.

– Понял, заплатить не предлагаю. – Финн почесал щеку, Чарли сморщилась от шкрябющего звука. – Как насчет «помочь хорошим людям»? Я в технике разбираюсь, может, тебе что-то слепить?

Бомбу, чуть не ляпнул Том, но подавился, когда парниша в той же беззаботной манере уточнил:

– Ты ж не из Поддержания?

Тому хотелось со стоном стукнуть себя по лбу, таким актуальным, а главное – своевременным показался ему этот вопрос. Ну и как ты проверишь?

– Так он тебе правду и сказал, – съязвила Чарли.

– А почему нет? – удивился парниша, а Том незаметно потянул рукава поближе к пальцам. – Он нам нужен.

– Это еще неизвестно.

– Есть другие варианты?

– Найдутся.

– А время?

«Время – всегда хороший аргумент», – с тоской подумал Том. Отошел на пару шагов, оставив парочку разбираться наедине, задержался на несколько секунд, но они больше не обращали на него внимания, и он медленно побрел по дорожке. Связываться с ними расхотелось, проблем было достаточно, а вот времени... Слово ударило по голове, хорошо отрезвив. Он достал из кармана мятый платок и вытер кровь из уха, неприятно щекотавшую внутри. Приступ приближался, ожидая ночи, сил провести ее на ногах у него не хватит.

Догнала его, как ни странно, Чарли. Она пришла одна, звук быстрых легких шагов отвлек Тома от раздумий. Вид у нее был серьезный, а взгляд злой.

– В общем, так, – начала она без предисловий, – я знаю, кто ты, видела в Сети. *Подозреваю*, что шляешься ты тут не просто так.

– Какая пронизательность.

– А Финн не знает, не интересуется, и я хочу, чтобы так и оставалось.

– Любопытно. И при чем тут я, м?

– Так что ты тут делаешь? Вернее, не так, – поправились она, не дав ему открыть рот, – у меня все равно нет возможности проверить твои слова, но я прошу сказать мне одно: ты здесь по делам Коалиции?

«Хороший вопросик, – мысленно усмехнулся Том. – Предлагаешь открыто признаться в спецоперации в центре столицы или просто подвесить мишень на свою незащищенную задницу?»

Она старательно удерживала на лице суровое выражение, через которое пробивалось что-то напряженно-болезненное, когда едва заметно подрагивали уголки плотно сжатых губ. Как хозяйка нелегальной вечеринки, на которую случайно забрели незваные гости.

– Нет, по личному, – серьезно ответил Том. Опасной девчонка ему не казалось, вот странной, пожалуй, да. Вызывала нечто сродни жалости, но этого говорить ей точно не стоило. – Работу ищу.

– Вынюхивая кругами? – Чарли сложила руки на груди, вид у нее был довольно злорадный. – Думаешь найти ее в пыли?

Том только вопросительно приподнял бровь – ужимка, над которой всегда смеялся Винс, потому что сам повторить не мог.

– Мы давно тебя заметили, – пояснила она, хотя понятнее не стало. – Дерьмовая у тебя конспирация.

– Да я как-то и не пытался скрываться. Думал, что работа найдет меня сама. – Он кивнул в сторону серого забора. – Вон там, похоже, лишние руки не помешают, надо только выцепить кого живого.

Взгляд Чарли не смягчился, да Том и сам знал, как бредово это прозвучало. Для всего существовала Сеть.

– Считай, что работа тебя нашла. Ты помогаешь нам, я плачу тебе любую сумму.

– Прямо таки любую?

– Деньги у меня есть, – почему-то оскорбилась Чарли.

– Как скажешь, – примирительно поднял ладони вверх Том, но, судя по ее лицу, стало только хуже. Она искала подвох и оскорбление в каждом слове.

– Ты оказываешь мне маленькую услугу и не задаешь вопросов, я тебе плачу, и мы расходимся. Идет?

– Насколько маленькую?

– Предельно. Встретишься еще раз с Анной, раз она тебя выбрала. – Чарли скептически посмотрела на Тома и пояснила, медленно, как идиоту: – С этой, которая на тебя кофе вылила. Потом передашь мне все, что услышал.

– Выбрала?

– Если бы вы, мужики, не были такими тупоголовыми, ты бы понял, что она будет тебя ждать. Она тебе практически свидание назначила, в три часа дня. «По расписанию».

– Допустим. И все? – Том знал, что Чарли права, но слова требовалось до конца переварить.

– Нет, нужно будет кое-что сделать.

8. Ошейник

«Кое-что» умещалось в одной руке. Это была устаревшая карта памяти, какими давно не пользовались – неудобно и ненадежно. Параноики с годами перешли на бумагу, дефицит которой сокращался трудами Коалиции, занятой восстановлением лесов на материке, сначала для маскировки Убежищ, а потом и для продажи древесины. Остальные остались в Сети. Передавать информацию на карте стоило разве что для того, чтобы сбить с толку тех, кто не знает, что ищет.

Чарли хотела, чтобы Том подсунил карту Анне, да еще так, чтобы та ничего не заметила. Любые подробности, конечно, объявлялись не его собачьим делом.

– Да ее ни один сканер на входе не пропустит.

– А ее и не сканируют, – отмахнулась Чарли.

Том медленно уставал удивляться. В итоге его подкупила оплата, правда, торговаться пришлось на удачу – информация из Чарли добывалась нелегко и очень дозированно. Он решил обменять свою помощь на сведения о происходящем в секторе, по всему выходило, что шастают и следят эти двое тут давно, хоть и пока не понятно, зачем. Девушка недовольно пообещала ответить на вопросы, а то и поделиться записями с камер наблюдения, но после того, как он выполнит свою половину сделки.

На следующий день к парку пришлось торопиться, колени после очередного приступа тяжело сгибались, мышцы болели, дыхания не хватало.

Анна стояла, боком прислонившись к кофейному аппарату, обняв серый стаканчик пальцами, и с озорным блеском в глазах наблюдала за приближением Тома. Охранника он не заметил, но делать выводы не стал, вместо этого приветственно махнул ей рукой.

– Отстирал? – спросила Анна, едва он остановился у аппарата.

– С трудом! – Том улыбнулся. – Уже готовишься повторить?

– Могу устроить, – повела она рукой вниз, и он со смехом шарахнулся в сторону. Маленькая бежевая сумочка, зажатая у нее под мышкой, едва не шлепнулась на землю.

– Поделишься, зачем это вообще понадобилось, м?

– Не хотела, чтобы кому-то показалось, что встреча не случайна.

– Но она и была случайна.

– Так лучше, – внезапно серьезно заверила она. – Анна.

– Том.

Ее огромные серебряные глаза смотрели с нескрываемым, почти нескромным интересом, светясь, как две яркие холодные звездочки. Собранные в растрепанный хвост волосы задорно торчали в стороны, на пухлых губах замерла сдержанная улыбка. Кофе почему-то расхотелось. Анна взяла Тома за руку горячими от прикосновения к стаканчику пальцами и потянула к лавке. Присела, похлопав по поверхности рядом.

– Погулять не хочешь? – Он боялся, что если сядет, то разогнуться уже не сможет.

– Хочу, но у тебя нога болит.

Том опустил на лавку, не сводя с девушки взгляда. Разделительной чертой между ними легла бежевая сумочка.

– Ты хромаешь, – виновато пояснила она, – с каждым шагом все сильнее.

– Наблюдательно.

– Профессиональное, – вздохнула она.

– Разведка? – попытался пошутить Том.

– Скорее, промышленный шпионаж. – Она игриво спряталась за стакан.

– Раз так, то в Коалиции тебе цены бы не было.

– Правда? – Вопрос прозвучал так непосредственно искренне, что Том растерялся. Лицо Анны не выражало ничего, кроме вежливого интереса.

– Правда.

Она замерла, как будто всерьез обдумывала эту возможность, и Том почувствовал умиление, растекающееся теплом в груди. Он не умел знакомиться с людьми, вернее, ему и не приходилось этого делать, в Убежище все знали друг друга или вели себя так, словно знают. Это легко давалось, быт и проблемы были общими. Анна, с ее странными глазами, была существом другого мира. Чем больше ему хотелось с ней поговорить, тем меньше слов приходило на ум.

– Ты не был тут раньше?

До Тома не сразу дошло, что она ждет ответа.

– Нет. То есть был, но очень давно. Но ты ведь не это имела в виду.

– Нет, – серьезно ответила она. – У тебя знакомое лицо.

– Говорят, что я известная личность в Сети, – кисло усмехнулся Том.

Анна допила кофе, поболтала на дне стаканчика последнюю каплю, казалось, что она пытается вспомнить, но ответ удивил:

– Я не читаю Сеть.

Том решил, что у нее просто много дел, даже поискал в словах какой-либо намек. Порыв ветра с ее стороны всколыхнул непослушные волосы, локон погладил по щеке.

– Зачем ты меня позвала?

– Ты не человек.

– Ты же не читаешь Сеть, м?

Без сканера отличить хаарс от человека невозможно, а Том был уверен, что ничего подобного у нее не видел.

– Я больше не могу доверять людям, а никого из хаарс здесь не бывает. Мне нужно кое-что сохранить.

«Да тут всем что-то нужно, – подумал Том. – *Больше?*»

– А мне можешь?

– Это не важно. Я хочу, чтобы это попало к хаарс.

– Я могу работать и на людей, – заметил Том.

Анна резким движением схватила выбившийся локон, так и липнувший к чужому плечу.

– Это тоже не важно. Такой лояльности быть не может.

Том физически и вполне ощутимо завис.

– Дай мне пару дней на подготовку. Сейчас мне пора. – Она выпрямила спину, собираясь вставать, в голосе слышалась грусть.

Том кивнул, понимая, что готов предоставить ей время, выполнить просьбу, может быть, даже не одну. Захотелось врезать себе по морде, чтобы избавиться от наваждения, а еще – задержать девушку.

– До завтра?

Она улыбнулась, не губами, а огромными светлыми глазами. Наверное, нужно было встать и подать ей руку, но что-то мешало. Карта памяти, зажатая между средним и безымянным пальцем, как живая норовила выскользнуть из вспотевшей ладони. Чарли утверждала, что он не подставит Анну, таким было его условие. Тогда он поставил его, чтобы набить цену, сейчас отчего-то стало не по себе. И все-таки происходящее походило на детскую игру, а Том когда-то очень любил играть. Поддавшись порыву, он протянул руку к Анне и пригладил растрепавшиеся волосы, задел пальцами за резинку.

– Извини.

Он был не прочь получить затрещину за наглость, но Анна улыбнулась, прищурилась, как согрешивший котенок. Рука Тома прошла по хвосту, по спине до лопаток. Анна вздрогнула, и он отдернул пальцы. Небрежно, словно случайно, дотронулся до сумочки, задержался.

Ощущение под пальцами не проходило, не исчезало и не обманывало. Он не чувствовал бархата сумочки, не чувствовал ничего. Казалось, что пальцы все еще бродят по ее спине... Он не мог ошибиться. Маленькие бусинки, составленные в тонкую, плоскую и едва ощутимую цепочку, пролегли вдоль ее позвоночника, проникая почти невидимыми ножками в плоть. Он уже видел – чувствовал – такое. Не так аккуратно, не так незаметно, но...

– Руки, – рявкнул из ниоткуда знакомый голос.

Анна подскочила, серебряные глаза так и пылали ненавистью. По инерции Том начал поднимать руки, но тут до него дошло.

– С сумки убрал, – подтвердил догадку охранник. – А то оторву.

– И рядом не было, – с облегчением отозвался Том, поняв, что оружием в него не тычут, и тоже встал. Не то чтобы у него совсем не было шансов справиться с бугаем, но лучше бы не здесь. И не сейчас.

Охранник схватил сумку и просканировал ее под гневное сопение Анны.

– Папочка не любит, когда дарят подарки? – усмехнулся Том.

Анна бросила на него странный взгляд и как будто побледнела, если для нее это вообще было возможно. Солнечного света ее коже явно не доставало.

– Исчезни, – рыкнул охранник, держа руку у пояса на боку. Теперь до угрозы оружием было недалеко. Том заметил у него на комме виртокно со своей фотографией.

Просканировал, сволочь, а ты ведь даже не полиция.

Жить Тому хотелось чуточку больше, чем набить бугаю морду. Он примирительно повернул руки ладонями к охраннику и отступил на шаг. Тот молча указал Анне на дорогу и последовал за ней.

«В какое-то дерьмо я тут вмешался», – подумал Том.

Человек бесцеремонно выдирает чип из его руки и уносит считывать данные. По плечу стекает горячая струйка крови, Том думает только о том, чтобы почесать эту красную дорожку. Сознание концентрируется на ней, мозг регистрирует сигналы только от этих клеток.

Связанные руки не могут помочь.

Крыса, так Том называет нового лаборанта, стоит у стола и насвистывает что-то мерзко-занудное. Нажимает на кнопку вызова.

Охранник приходит не сразу, хоть и сидит в соседнем помещении перед камерой. Отлучаться они права не имеют. Но с Крысой эта смена не ладит. Лаборант продолжает напевать, игнорируя пришедшего, чем только бесит его. Том забавляется, наблюдая за ними. Других развлечений здесь нет.

– Не выходит ничего, а? – лыбится охранник, демонстрируя кривые зубы.

– Не твоего ума дело, – скалится в ответ Крыса.

Охранник пинает кнопку отключения фиксаторов. Сильная рука поднимает Тома со стула. За шкуру. Рубашка спереди больно впивается в шею.

Том послушно идет к двери мимо стола. Краем взгляда замечает на нем окровавленный чип, ничего общего с миниатюрными платами комма. Люди называют чипами что угодно, мысленно упрощают непонятное, в попытке его осознать.

Кривая усмешка растягивает уголки губ. С осознанием у вас явно проблемы, уроды.

– Шевелись! – Еще один тычок дулом в лопатку отзывается болью в руке. Ускорение придает, но лишь на пару шагов.

Том не знает, откуда взялся второй охранник. Сил, чтобы следить за происходящим, больше нет. Плохо.

– Че мы вообще с такими возимся? – В голосе охранника звучит презрение. – Толку ж ноль.

– Бракованный, хы. Сказали, больше не нужен.

Коридор заканчивается дверью камеры. Одной из многих, которые Том успел повидать. Второй охранник обходит их, прикладывает руку к замку.

«Убьют», — думает Том, отстраненно, без эмоций. Без сожалений.

Ошейник впивается в спину, напоминая о себе. Его ножки вокруг позвонков такие тонкие, что их невозможно почувствовать, но Том ощущает каждую. На действие у него доля секунды, пока охранник проходит в комнату, больше времени не дадут. Короткая сладкая месть.

Он вскидывает связанные руки вверх и бросается на человека, прижимая того к косяку, со всех сил толкает его голову прямо на острый угол.

Разряд от ошейника, кажется, прошибает насквозь, и Том словно со стороны видит, как оседает на пол его собственное тело.

Над головой надывается сирена.

– Сделал? – осведомилась Чарли мерзким тоном. Она возникла рядом с ним внезапно и бесшумно, выдернув из воспоминания.

Плохо, нужно быть осторожнее. Затем пришла злость. Том схватил Чарли за запястье и развернул к себе.

– В какое дерьмо ты меня втянула?

– Отстань!

– На ней ошейник. – Том видел, как дрожит его рука, но не чувствовал этого. – Откуда он?

– Из Поддержания, откуда еще, – выплюнула Чарли ему в лицо. – Как и все остальное снаряжение на этой засранной планетке. Ты вчера родился, что ли?

Том разжал пальцы и отступил на шаг, она потеряла запястье, зыркнув исподлобья.

Ошейники, сразу после их создания классифицированные как пыточные приспособления, в массовое производство не вошли. Повлияло общественное мнение, хоть и не настолько сильно, чтобы полностью запретить выпуск. Товар был дорогой, почти штучный. В Сети Поддержание утверждало, что больше их не производит, акт доброй воли против насилия. Никто всерьез не верил, но рынок ошейники действительно заполонили. Это была зацепка, прозрачная, но настоящая, Том не думал об этом раньше. Корпорация ведет учет клиентов. Он прокрутил в голове разговор с Бригером, теперь зная, что задал не тот вопрос. Мысли вернулись к Анне. Для Поддержания не существовало запретов, оно легко могло использовать собственные разработки, но как же это было омерзительно... «Восхитительно», м?

Зачатки собственного плана таяли на глазах – если Патрик Фукс и был где-то здесь, о перепалке в парке он быстро узнает, слишком хорошо просматривалось это место. Если раньше Том пытался прикинуться идиотом, хоть и подозрительным, то теперь он практически помахал над собой флажком. В зависимости от тупости охранника упоминание об их встрече уже могло быть в Сети. Том решил не проверять.

Дерьмо!

Он повернулся к Чарли и осмотрел ее с ног до головы, она поежилась от прохладного ветра.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, глядя сквозь нее. – На самом деле.

Ответной гадости не последовало, Чарли посмотрела так, словно впервые его увидела. Том ненавидел такие взгляды, они преследовали его, когда он пытался блефовать, а у него не выходило. Сейчас он хотел получить ответ, подтверждение своим догадкам. Когда не получается напролом, приходит время уходить в подполье. Посмотрим, какую еще пользу вы сможете принести. «Подполье» наблюдало за ним прищуренными медово-зелеными глазами.

– Мечтаю избавить мир от ошейников, – вдруг нарушила молчание Чарли.

Не избавляю, не спасаю. Мечтаю. Правильное слово. В другое он бы не поверил. Не мы. Не они. Я.

– Я помогу.

Она презрительно хмыкнула, возвращаясь в обычное недовольное состояние:

– Мир растроган твоим альтруизмом!

– К чертям собачьим ваш мир, – заткнул ее Том. – Он мне кое-что задолжал. Вы мне не нужны, я вам тоже, но ты втянула меня в свое дерьмо и сильно усложнила мне жизнь. Плата за услуги повышается.

– Какие? – презрительно фыркнула она. – Ты не выполнил свою половину.

– Выполнил.

– Врешь, – прищурилась Чарли. – Я видела, как он просвечивал сумку.

– А кто говорил про сумку?

– Твою ж мать! – воскликнула она с восхищением в голосе.

– Так мне пойти намекнуть охраннику, где карта?

– Чего ты хочешь? – Восхищение сменилось ядом. Том едва заработал в ее глазах один пункт, а теперь потерял все десять. Да, можно было обойтись и без шантажа, мысленно признал он, плохой выбор. Он видел, как боролись в ней желание послать его подальше и что-то другое, глубокое, почти ненавистное... Честь? Еще одно слабое место. Она его забавляла.

– Хочу знать, во что именно я влез. Хочу знать, что у вас есть, и как я могу это использовать для себя. – Ответ был предельно честным. Настолько, что Тому и самому стало противно.

Он не ошибся, честность она оценила.

– Не здесь, – замешкавшись на долю секунды, решила Чарли.

9. Враг моего врага

Шли долго, обходя серый забор и беспорядочно припаркованный транспорт. Том даже засомневался, не подвело ли чутье, пока не увидел Финна, понуро сидящего на корточках у одного из облезлых жилых вагончиков. Парниша вскочил и завозился у двери, не стесняясь выражать недовольство встроенными замками.

– Потихе ворчать нельзя? – прошипела Чарли, Финн театрально поднял глаза к небу.

– Тут слушать некому.

Том незаметно отступил на шаг и быстрым движением отключил комм, мало ли какому работодателю приспичит с ним пообщаться. Боковая дверца вагончика со скрипом отъехала, обнажая еще одну: гладкую и на порядок новее. Бронированная? Вряд ли, решил Том. Даже жалко стало, он бы с удовольствием посмотрел. Или пострелял. А вот звуко- и радароизоляция тут однозначно были.

– Летает, м? – спросил он Финна.

– Летает, ездит...

– ...ржавеет и тухнет, – закончила Чарли.

Внутри вагончик был просторным, хотя заднюю часть отделяла перегородка с дверцей. Задуманные производителем внутренности были заменены на длинные узкие столы-полки вдоль обеих стен, в проходе мешалась тройка вращающихся стульев без спинок. На столешницах устроились терминалы, панели и явно повидавшая жизнь электроника, в целом интерьер напоминал большую свалку, а приосанившийся Финн – гордого мусорщика. Случись Тому влезть сюда с корыстными целями, решил бы, что брать совсем нечего. Да, собственно, влезть бы и не вышло. Перед ним мерно светилась пара экранов, транслирующих изображение с камер на боках вагончика: подойти незамеченным было практически невозможно. Подлететь тоже. Одно из изображений привлекало внимание, и Том невольно залип, наблюдая за идущей трансляцией. Серый коридор на экране пустовал, но отвести взгляд было трудно, удивлял сам факт существования у этих кретинов прямого подключения к системе безопасности Поддержания. Эти стены легко выдавали свою принадлежность.

– Подготовка в наличии, – оторвался от экрана Том и заметил, как Финн залился краской и выпятил грудь.

– А то!

– Сказал человек, который просто прилепил мебель туда, куда велели, – умерила его пыл Чарли.

Парниша сник на секунду, но, оценив интерес Тома, плюхнулся на стул и принялся красочно рассказывать о сложностях подземной прокладки проводов и абсолютной небезопасности любых беспроводных технологий, любопытно, но малопонятно. Судя по лицу Чарли, для всех было проще дать Финну высказаться, ему явно не хватало свободных ушей.

– Короче, слушай, – вспомнил о деле Финн, вопросительно глянув на Чарли.

Она кивнула, и парниша с видимым облегчением раскопал под кучей оберток клавиатуру и вывел на экран снимок:

– Анна Фельманн, хаарс, предположительно двадцати восьми лет от роду, плюс-минус два, хотя тут скорее плюс, образование, навыки, умения, предпочтения и вид профессиональной деятельности неизвестны. По совместительству – дочь одного придурка ученого с нижних этажей.

– Или один из его экспериментов, – вставила Чарли.

– Никто не знает, чем он занимается, но если эксперимент – она, то это смертельно скучный эксперимент. Живут они там же, внизу, здание она покидает раз в день, он, кажись, и того

реже. Кроме отца она не общается ни с кем, ни внутри, ни снаружи. За исключением Бригера, разумеется. И охраны, но я бы это общением не назвал.

– А вы тут каким боком?

– Мы там работали, – поморщилась Чарли, – до недавнего времени.

– С тех пор, как ее привезли, все изменилось, – перебил Финн тоном рассказчика страшных историй.

– Привезли Анну?

– Да уж лет пять назад. И Фелльманна этого тоже, – голос Чарли наполнялся презрением, – и началось. Сначала им выделили целый этаж, потом финансирование. Потом вышвырнули оттуда всех сотрудников, новых набирали под двойную подписку о неразглашении.

– А Шарлотту не взяли, – сдал Финн, получив в ответ убийственный взгляд.

– И не хотелось. Профиль не мой.

– А какой твой? – встрял Том.

– Чарли у нас большой человек в маленькой охране, – забавлялся Финн. – До гвардии Бригера, правда, не доросла. Ну знаешь, личного контакта не хватило!

– Балбес. В общем, что-то там происходило, а знать было не положено. Потом прекратилось все остальное. Вообще все. Довольствие урезали даже оборонке, не спросив мнение Федерации. Бригер как сумасшедший пел о каком-то великом прорыве и светлом будущем человеческой расы. Раскопали эту вот яму, – Чарли ткнула пальцем в один из экранов, на котором виднелся серый забор.

– Что строят?

– Да черт их разберет, ангар там был, давно, лет шестьдесят назад. Лежит пара катеров хаарс с первого контакта, гниют десятилетиями. Не знаю, чего Бригер взялся вокруг них ковыряться.

– Рабочим тоже ничего не говорят, – добавил Финн. – Выдают конкретные задания: тут отпилить, там прибить. В одном спасибо – соединений с подземельями Поддержания теперь много. Есть к чему подключиться.

Он любовно погладил клавиатуру.

– В общем, обещанного Бригером прорыва до сих пор не последовало, – продолжала Чарли, – а последней каплей стало закрытие медицинки.

– У-у-у, шеф рвал и метал, кто посмел позариться на его разработки.

– Да никто на них не зарился, – вздохнула Чарли, – забили на них, и все. Регенерационные камеры – дело его жизни. Печально это.

– Значит, вы тут анонимное собрание обиженных, – подвел итог Том.

– Да! – обрадовался Финн.

– Не совсем. – Чарли оценивающе посмотрела на обоих, очевидно, приходя к выводу, что и так сказала слишком много, смысла останавливаться нет. – Суть не только в работе. Думаю, шеф узнал что-то, что сделало их с Бригером смертельными врагами.

– А они были друзьями?

– Целую вечность, – подтвердил Финн.

– Потом начали пропадать люди, эти новенькие.

Том почесал запястье, но через рукава шрамы не ощущались и терапевтического воздействия не оказывали. Думать о пропадающих людях категорически не хотелось.

– Мы сначала шутили, что на нижнем этаже черная дыра, – Чарли поджала губы, – а потом моя сестра получила туда перевод и однажды не вернулась домой ночевать. Я пыталась туда пройти, но допуска не хватило. Отвечали, что у Малей все прекрасно, а мне лучше отвалить по-хорошему. Когда я пригрозила полицией и общественностью, они напомнили, что такое Поддержание, где его место, а где – мое.

– Ага, две недели потом на ней прототип регенерационки тестировал, – с гордостью встал Финн, ерзая на стуле. – Работает!

– Шеф прижал Бригера к стене, требуя дать ему доступ к своему личному терминалу, но толку вышло мало. Подозреваю, что не прибили его только по старой дружбе.

– А кое-кто в подсобке подслушивал.

– Не подслушивала, а поручение выполняла, – возмутилась Чарли. – Короче, пускать шефа вниз он отказался. Не знаю, какие между ними проблемы, но эта первой не была, а вот последней стала. Шеф приказал мне стереть все так, чтоб не могли восстановить, а потом физически уничтожить. Никогда еще так технику не поганила.

– Потом шеф ушел. У нас был выбор, и мы пошли за ним, – похлопал Финн ладонями по краям сиденья. – Надо признать, сбежали вовремя, представляю, какой ждал допрос, чтобы до него добраться. Нашу-то память Чарли не уничтожила. Правда, не уверен, что дальше была бы жизнь, а не безмозглое пускание слюней.

Том подумал, не отрепетирован ли этот рассказ заранее, не пытаются ли его в чем-то убедить.

– Бежать надо вовремя, – грустно согласилась Чарли. – У шефа все еще есть связи и возможности. Без него я не смогу выяснить, что там происходит, тем более что-то сделать. Никто не поверит. Ему – может быть. Не думала, что Бригер отпустит его живым, но мы все еще здесь, и мне это не нравится.

– Увы, – вздохнул Финн, – внутри было бы проще, хоть и страшнее. Но шеф у нас эмоциональный, а теперь тут просто безопаснее.

– Не то слово эмоциональный. Его от этой Анны еще при первой встрече чуть не перекосило, как будто привидение увидел.

– Что делает хаарс в Поддержании? – спросил Том. – Сомневаюсь, что они лучшие друзья.

– Лучшие враги, – засмеялся Финн. – Вот и я говорю, не может эта Анна им добровольно помогать. Но мы про нее мало знаем, нашли ее, когда к камерам подключились, и стали наблюдать, как Бригер с ней обращается.

«Больше не могу доверять людям», вспомнил Том слова Анны. Он уже собрался спросить про карту памяти, но Чарли вдруг дернула головой, метнув на него злобный взгляд, как будто прочитала мысли. Он удивился, но промолчал.

– Время чудных открытий, – раздался недовольный мужской голос из глубины салона, а из-за перегородки показался Патрик Фукс, заспанный и помятый.

– Привет, шеф, – засветилась морда Финна.

– Заглохни.

– Понял. Сегодня мы не в духе. А это весь день продлится, или есть шанс на просветление? Все, понял, заглох!

В свои семьдесят с плюсом Фукс выглядел едва ли на пятьдесят, даже волосы почти не поседел. Если бы Том не ознакомился с досье заранее, не поверил бы, что перед ним именно тот человек. Впечатление портило только объемное брюшко – в удовольствии поесть Фукс себе не отказывал. Он зевнул и презрительно сморщился, а Том подумал, что Бригер должно быть еще лет на десять старше, медицинские разработки Поддержания явно имели успех.

Фукс окинул взглядом светящегося щенячьим восторгом Финна, потом Чарли, сложившую руки на груди и готовую к обороне, осмотрел ближайшие к нему экраны, нажал пару кнопок, кивнул Тому и удалился в свой «кабинет».

– Иди, – ткнула его в спину Чарли, и Том приступил к операции «протискивание следом». – И стул прихвати.

– Утомили? – неожиданно участливо спросил Фукс, когда Том забрался внутрь и примостился в углу.

– Не успели.

– Успеют, – заверил его Фукс. – Какими судьбами? Видел, как ты вокруг вагона ошивался. Он указал на свой терминал, не такой древний, как те декорации в салоне. Том сдержался, чтобы не поерзать на стуле. Голые стены каморки навевали мысли о допросных помещениях. Фукс явно проводил тут много времени, хотя бы судя по запасу воды и остатков еды, но ничего общего с жилым помещением не было – никакого уюта, никаких личных вещей.

– Забавная у вас машинка.

– И все? От меня можешь не прятать, – с ехидством усмехнулся Фукс, заметив, как он тербит края рукавов. – У меня было достаточно времени, чтобы выяснить, кто ты такой.

Напряжение в воздухе нарастало, осматриваться в поисках оружия было поздно, и Том просто оставил футболку в покое.

– Помощь решил предложить.

– Вот так запросто?

– А зачем усложнять? Вдруг вы мне пригодитесь.

Фукс крикнул, прокашлялся и наконец смог засмеяться.

– А ты наглый, такого мне еще не говорили.

«Да неужели, – подумал Том, – а вот Бригер явно мог, не такая уж ты и шишка».

Фукс достал из-под кресла бутылку и принялся жадно пить, оттягивая время. Том был уверен, что весь разговор в вагончике Фукс прекрасно слышал, а судя по звукам замков, парочка работников помещения только что покинула, предоставив шефу возможность поговорить без лишних ушей.

– Наемник? – Фукс отдышался и принялся катать пустую бутылку по ногам.

– Широкого профиля.

– И чем же мы можем тебе *пригодиться*?

Заводить разговор так далеко Том не планировал, а для правды было рановато. Правдой была слабость. Судя по одновременно ехидному и подозрительному выражению Фукса, пауза слишком затянулась.

– Слышал, что нам по пути. Есть общий интерес к базам данных Поддержания.

– Тесен мир. Только тебе нечего нам предложить.

– Пару рук и контакт внутри Поддержания, м?

Фукс на провокацию не повелся.

– Анна – всего лишь зацепка. Ребята развлекаются, но реальной пользы от нее нет. Она там почти заложник.

Почти, мысленно согласился Том, подушечки пальцев хранили память о прикосновении к невидимому ошейнику.

– А у вас много вариантов? Зацепка, но никто из вас к ней подойти не может без риска быть узнанным.

– Сколько ты хочешь за свою помощь, *наемник*?

– Мне уже платят, – усмехнулся Том.

– Я так и думал. Все ждал, кого же из головорезов он ко мне пришлет. Честность похвальная, но ты бы не сказал, если б не имел своих планов. Иначе я бы тут уже не стоял, так? Каков мотив?

– Месь, – ответил Том четко и просто, легким кивком указал в ту сторону, где, как он надеялся, находилось здание корпорации. Намек не тонкий, но другого и не требовалось, главным было не сказать лишнего вслух: неизвестно что понатыкано в вагоне и кто их слушает.

Фукс прищурился, то ли закашлявшись, то ли болезненно засмеявшись.

– Смело. Не всегда достойно, но смело. Сейчас я должен взять и быстренько тебе поверить? Считай, что попытка втереться засчитана. Бригеру передашь, что у меня ничего нет.

– Поверить, но не мне, – ответил Том, поднялся, бросил куртку на стул и задрал один из рукавов почти до самого верха. – Объяснять?

Фукс помедлил, впился глазами в шрамы. Обычно люди смотреть боялись, не из-за вида даже, из-за ощущения причастности к чему-то мерзкому.

– Нет.

Том блефовал. Складно объяснить он бы не смог, шрамы, покрывавшие руки от запястий до самого верха плеча, он тоже не помнил. Свежие, они еще не начали светлеть и вились по коже уродливыми синевато-бурыми рубцами. Он мог легко предположить их происхождение: такие оставались от устройств, собирательно именуемых чипами, которые вгрызаются в плоть, соединяются с нервной системой, влияют на тело, мозг и сознание. Производитель у этого дерьма был один – Поддержание. Вернувшись в Коалицию, Том наотрез отказался избавляться от шрамов. Отговаривать его не стали, «красота» могла оказаться единственной ниточкой к воспоминаниям. Впрочем, психологов в Убежище не водилось.

– Я подумаю, – решил Фукс. – А им не показывай.

В голове складывался и разваливался один план за другим, пока ноги несли Тома к дому, на дорогу он почти не смотрел. Вернее, до медцентра его донесло бесплатное, благодаря Финну, такси, хоть и искать его пришлось за оцеплением. Потом он решил прогуляться.

Погода стояла восхитительная, далекие звезды на вечернем небе подмигивали ему, едва различимые сквозь городское освещение, ветер гнал навстречу запах свежей выпечки, а сердце требовало приключений. Даже нога, которую регенерационка медцентра обходила стороной, о себе не напоминала. Деньги были хорошим началом, а возможный выход на базы данных Поддержания – неожиданным призом. Что, если там действительно есть ответы? Что, если они помогут спасти ему жизнь? Том так увлекся этой мыслью, что перестал беспокоиться о подозрительности Макса, словно специально откопавшего для него бредовый заказ. Просто повезло, бывает. Должно же хоть раз повезти? После всего, что он уже пережил.

Знакомый дом выросал впереди, посматривая сверху вниз редкими незатемненными окнами. Том посчитал этажи и поискал взглядом «стандартное помещение».

Вздрыгнул.

Сердце пропустило удар, а затем ускорило, спеша наверстать упущенное. Том забрал влево, стараясь не выглядеть слишком уж подозрительно, и, не сбавляя шага, направился к соседнему дому. Дошел до угла, осмотрелся, сделав вид, что проверяет комм. Никого не заметил и медленно, держась вдоль стены, двинулся к своему подъезду.

На единственном окне «стандартного помещения» была задернута бордовая штора.

10. Кто не спрятался

Дверь подъезда открылась, штатно отреагировав на приближение зарегистрированного в системе чипа, а Том сквозь зубы проклял все новомодные технологии разом и порадовался, что параноя заставила его заблокировать удаленное управление на входе в «стандартное помещение». Если, конечно, не учитывать Макса, который так легко не отключался, да и на голосовые команды реагировал через раз. Свет в подъезде давно переключился на ночной, окна автоматически затемнились, так что если разглядеть двери и силуэты еще получалось, то о чертах лица или особых приметах можно было забыть. Знать бы еще, кого опасаться.

Лифт неожиданно распахнулся, Том проклял заодно и бесшумные гравиподушки. Из кабины появилась женщина, за ней девочка, ростом едва достающая до пояса, но похожая на мать, как ворованный чип на оригинал. Ребенок радостно смеялся, взхлеб рассказывая о новой и очень желанной игре, женщина отзывалась мычанием и междометиями, не желая потакать просьбам, а потом начала поторапливать:

– Не висни на мне, хватит, шевели ногами. Не успеем вернуться до гостей.

Том посторонился, давая дорогу, но они не обратили на него внимания. Воспользоваться лифтом он не рискнул, о чем почти сразу пожалел – дыхание сбивалось, ноги наливались тяжестью, а лестница казалась бесконечной. Добравшись до пятого этажа, Том с сомнением уставился на дверь Макса, пытаясь вспомнить громкость звонка, пожалел, что не учился у Винса взламывать все подряд, полезный бы вышел навык. За стеной красноречиво шуршало, с головой выдавая прильнувшего к двери соседа. Том улыбнулся, на душе стало не так погано, дождался полного восстановления дыхания, постучал по двери костяшками пальцев и отступил под бледную лампу. Макс появился мгновенно, схватил Тома за рукав, практически втащил в темноту и, торопясь, закрыл дверь. Только после этого мазнул рукой по выключателю. Свет ударил в глаза так, что выступили слезы, яркость была выставлена на полную.

– Зачем ты его вообще выключал? – Том проморгался, дождавшись возвращения зрения.

На Максе не было лица. Зато у него были насквозь промокшая от пота футболка, трясущиеся конечности, бегающие по сторонам глаза, нервные подергивания от каждого звука и ошалелый вид. Сосед смотрел на него, хлопая ртом, как рыбка-переросток, не в силах выдать осмысленных звуков.

– Ну, это, – родил Макс, показав обеими руками вверх, а потом снова вцепился в рукав.

Том молча кивнул и прислушался. Отсутствие денег и смысла покупать мебель принесли неожиданную пользу: в «стандартном помещении» было достаточно пусто, чтобы звуки отдавались заметным эхом.

– Они еще там. – Макс, продолжавший висеть у Тома на рукаве (и как только получалось при почти одинаковом росте), затрясся еще больше, но теперь скорее от облегчения.

– Слышу, – полусшепотом ответил Том, отмечая легко различимый глухой топот ног наверху: кто-то медленно, словно коротая от скуки время, прошагал от одной стены к другой, сделал паузу и развернулся обратно.

– Видел?

Макс закивал.

– Твои друзья, м?

– Не-а.

– Плохо.

– К-к-кому как, – не оценил вывода Макс.

Том отделался от соседских объятий, прошел по комнате и плюхнулся на единственный диванчик, тот угрожающе скрипнул под ним. Том потер руками лицо, глубоко вздохнул и выжидательно уставился на Макса: давай, мол, выкладывай.

– Ну я думал, что это за мной, – начал тот, переминаясь с ноги на ногу. – Они мне срок давали до сегодня, чтоб оригинал, это, вернуть.

– Оригиналу чего?

– Ну я тут, это, моды иногда всякие пишу, – принялся юлить Макс.

– А поточнее?

– Ну там чипы, сканеры, коммуникатор могу, это, перепрограммировать...

– Оружие, – дополнил список Том.

Макс испуганно замотал головой.

– Не-не, всего-то универсальный ключ-пропуск приносили подчистить. Кто ж знал, что они, это, заметят при получении, что он клонированный.

– А оригинал куда дел?

– С другими договорился. Подороже.

– Понятно. Ты идиот.

– Да если б и отдал, они б меня все равно живым, это, не отпустили. Понял поздно, когда уже связался, ну и решил, что пересажу. Вот, смотрю в окно, а там, это, идут. Ну морды такие. Характерные. – Он попытался изобразить что-то «характерное». – Ну я и подумал, куда сваливать.

– И решил спрятаться у меня, – закончил Том, невольно вспоминая Финна.

– Ну да, – развел руками сосед, – сижу на окне, копаюсь в Сети, а дверь, это, открывается.

– Любопытно.

– Н-н-не то слово. Я едва успел шторку задернуть.

– Зачем? – Мысль, что шторм испортил сосед, приходила к Тому еще на улице. Да и после, поднимаясь по лестнице, он уверял себя, что ничего в «стандартном помещении» не происходит. Но внутренний голос назойливо твердил: перед уходом он проверял окно, а у Макса не было резона сидеть там в одиночку. Чутье не подводило.

– Что я, тупой, что ль? – обиделся Макс, а потом ноги перестали его держать, и он уселся на пол прямо там, где стоял. – Простой жилец ее повесил, я еще тогда удивился, зачем кому-то хлам сдался, если затемнение, это, работает. Он у нас тоже бы, ну, оттуда. А когда ты не снял, я пошел в Сеть. Синий значит, это, что все хорошо, красный – что, в общем, плохо. Затемнение синие, шторм красная.

Балбес, но любознательный, мысленно похвалил Том. В целом Макс оказался недалек от истины, в Коалиции из десятка различных сигналов чаще всего использовали два: синий – нужна помощь, красный – больше не нужна. А не нужна она обычно становилась, когда объект полностью переходил в руки врага. Или субъект, если был приказ кого-то охранять. Красную ракету, запрограммированную на полет над несколькими наблюдательными пунктами Коалиции, выпускал последний умирающий. «Группа уничтожена – помощь больше не нужна». Каждый житель Убежища знал, как это сделать, испытать не хотел никто. Том задавался вопросом: с какой вероятностью Макс мог найти в Сети именно эту расшифровку. Нет, она не была большим секретом, но что-то не давало покоя, билось на краю сознания, прося впустить. Макс увлеченно грыз ноготь, второй рукой обнимая себя за плечо и покачиваясь. Смотрелся он настолько несчастным, что подозревать его в чем-либо было трудно.

– И как же ты оттуда вышел, м?

– Через дверь, – взбодрился Макс, перестав трястись, – они меня не ожидали встретить. А я на них, это, напал.

– Ты?!

Наверху снова послышались тяжелые шаги. Макс скосил глаза в потолок и продолжил рассказ, обращая скорее к люстре, чем к собеседнику:

– Я ответственный по дому, а сверху дымом, это, воняло, а никого нет. Свинство, ну.

Том беззвучно хрюкал в кулак, представив эпичную битву тощего мальчишки с парой гангстеров.

– Сколько их там хоть?

– Двое, – выпятил грудь Макс. – Я победил. Они меня, это, сами из квартиры выкинули.

Хрюканья усилились. Победой Том бы это не назвал, но согласился приравнять к успеху. Зато красочно представил выставленного в подъезд Макса, с учетом состояния, в котором он его обнаружил. Сосед в воображении, как желе, стек по стенке на пол, держась за сердце, тяжело дыша и обливаясь потом, а потом так же меланхолично утек по ступенькам в сторону собственной неприступной крепости. Нервы сдали, и Том засмеялся во весь голос, наплевав на слышимость. В конце концов, люди в доме продолжали жить обычной жизнью: разговаривать, смеяться, плакать. Смысла прятаться не было, это состояние Макса так на него подействовало.

– А сообщение чего не послал? Или позвонил бы.

Лицо ответственного соседа засветилось диким восторгом, рот растянулся в улыбке едва ли не до ушей, а Тому показалось, что он уже слышит, как Макс, наслаждаясь секундой славы, с полным правом обзывает дураком его, а не себя. Для разнообразия. Он приподнял бровь в немом вопросе.

– А я послал. И еще. Я тыщу сраных сообщений послал! – выпалил сосед, как будто вот-вот опоздает со своими обвинениями. – Я еще когда в окно увидел, сразу послал! Я ж знал, что ты меня не бросишь!

С последним утверждением Том мог бы поспорить, но только обреченно оттянул рукав и посмотрел на предусмотрительно отключенный почти шесть часов назад комм. Потянулся к чипу, услышал, как Макс то ли икнул, то ли пискляво возразил, и передумал.

Мозаика складывалась медленно, а паранойя в который раз спасала ему жизнь. Том догадывался, кто ждет его в «стандартном помещении», сразу вспомнив угрозы Винса. Лучший друг. Устанавливая соединение, комм передал слишком много локационных данных. Тому снова повезло: выключенный коммуникатор не оставил им выбора, позвонить и получить новые данные они не смогли и оказались вынуждены дожидаться его возвращения в известное место.

Собираясь с мыслями, Том устало протер лоб тыльной стороной ладони. Только этих разборок ему сейчас и не хватало. Макс поерзал по полу, в который раз сунув палец в рот. Ноготь сдася, оторвавшись на середине, а его хозяин с воплями и скулежом прижал руку к животу, привлекая внимание. Том лишь посмотрел сквозь него. Гости все еще ждали в квартире, и отсюда следовал совсем несимпатичный вывод: никто не стал бы тратить столько времени, чтобы просто убить. Чего там возиться, заминировали пару углов и ушли, в доме не было даже видеонаблюдения, слишком дорогое удовольствие для этого сектора. Нет, они остались ждать, значит, рассчитывали на долгий и малоприятный разговор. Хотя для кого как, может, для них и приятный. Что ж, стрелять на поражение не будут, подвел итог Том.

Ничего стоящего Макс добавить не смог. Рассмотреть гостей как следует он не успел, да и не пытался, на чистом адреналине спасая свою задницу. Двое, большие, а может, и не очень, страшно ведь было, упитанные, вроде с бластерами, или показалось – вот и все описание, которое Том смог выдавить из ответственного соседа. Впрочем, винить его было не в чем.

– У тебя оружие есть?

– Не-а, – виновато отозвался Макс. – А может, вообще туда, это, не лезть? Там же ничего нет.

– Есть, – с сожалением констатировал Том. – Там есть сумка. Придется лезть.

– А что в ней? – мигом заинтересовался ответственный сосед. – Хочешь, я тебе, это, другую достану?

– Не хочу. Там жизнь.

11. Убийца

Дверь Том оставил приоткрытой, далеко внизу в подъезде послышались голоса. Он порылся в кухонном шкафу и достал длинный нож, взвесил на ладони и засунул обратно.

– Лучше нет, – доложил Макс, правда, уточнять критерии отбора не стал.

Том ножи не любил, слишком много от них осталось шрамов и неприятных воспоминаний. От мысли об острие начинало зудеть глубоко в животе. Со слабым противником он бы и без ножа справился, а к сильному и с ним не стоило подходить ближе, чем на расстояние выстрела. Любой хаарс сильнее человека, даже такой тощий и полудохлый, каким был Том после освобождения, но вот тягаться со своим – другое дело. Раньше он легко укладывал Винса на лопатки, теперь не сможет, Том хорошо отдавал себе в этом отчет, несмотря на то, как сильно противилась гордость. Раньше осталось в другой жизни, а Винс не станет играть честно, он здесь, чтобы отомстить.

Том подошел к столу и оторвал одну из ножек.

– Ну вот и нафига? – расстроился Макс, отвлекшись от комма.

– Пока не знаю, – честно признался Том.

Голоса стали громче, по лестнице поднималась веселая компания, в лифт они все не уместились. Обсуждали предстоящий ужин. Словно поддразнивая, из подъезда тянуло запахом чего-то мясного, горячего и вкусного, запуская урчание в животе и усиленную выработку слюны.

Толпа со смехом миновала этаж и продолжила восхождение, Том выскользнул из квартиры и двинулся следом. Преодолев десяток пролетов и не щадя дыхалку на разговоры, ребята запыхались и смотрели в основном под ноги, так что внимания на прибавление никто не обратил, лишь Том краем глаза заметил, как ссутулившийся Макс увязался следом. У «стандартного помещения» они отстали, остановились и, не сговариваясь, прилипли к стене по обе стороны от двери. Из-за общего шума ничего не было слышно, зато и их – тоже.

Секунды перетекали в минуты, где-то наверху толпа влилась в жилище, с треском хлопнула дверь и наступила тишина. Макс грыз ноготь и тарачился неестественно вылупленными глазами. Том поднял палец и знаком приказал помалкивать. В другой руке он крепко сжимал ножку стола. За дверью раздался шорох, шелест клеенчатой ткани о поверхность, удаляющиеся шаги. Там все еще ждали. К одиночке выскочили бы сразу, толпа же не заинтересовала, слишком много глаз и точно не по адресу.

Дверь отъезжала направо, значит, первым обнаружат Макса, который пришел к похожему выводу, потому что очень агрессивно замотал головой. Том прикинул, как показать жестами, что его вообще с собой не звали, но не придумал и просто указал на сенсорную панель со звонком. Гости не особо скрывались, им сойдет любой, кто сможет указать координаты. Они откроют. Макс побледнел, в тусклом ночном освещении став безжизненно-серым, и продемонстрировал средний палец в ответ. Том сделал вид, что протягивает ему ножку стола, а когда тот подался вперед, подняв руку, резко нажал на звонок и отпрянул. Макс от неожиданности отскочил от двери на добрых три шага да так и остался стоять, чуть согнувшись и с протянутой рукой, начиная вызывать серьезные опасения – не хватил ли его удар? Дверь отъехала в сторону, на площадку вышло тело, как обозначил его Том, решивший не разбираться, кто перед ним, пока все не будет кончено. Иначе могла дрогнуть рука. Макс бесшумно попятился к стене, тело развернулось, наконец оказавшись спиной к Тому, и спросило:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.